

Айварс Странга

Рига, Латвия

ТОРГОВАЯ, ПОЛИТИКА, ОТНОШЕНИЯ ЛАТВИИ С СССР И ГАЗЕТА «СЕГОДНЯ» (1932 г.)

Судьба торгового договора
между Латвией и СССР 1927 г.

5 ноября 1932 г. закончился срок действия торгового договора с СССР. В отличие от 1927 г., когда главным мотивом подписания договора со стороны Москвы, а также в большой степени и со стороны Риги была политическая заинтересованность, в 1932 г. было изменение обстоятельств. Оба государства — Латвия и даже СССР, были в глубоком экономическом кризисе, и, несмотря на экономические различия, оба испытывали влияние мирового кризиса.

Латвия из-за краха экспорта (за первые шесть месяцев в 1932 г. по сравнению с аналогичным периодом 1931 г. латвийский экспорт снизился в стоимостном выражении на 64 %, импорт — на 40 %¹) хотела укрепить торговлю с СССР², но в отличие от 1927 г. на это не хватало сильной политической воли, не говоря уже о воле идеологической, в пользу заключения нового договора.

По иронии судьбы, несмотря на то, что премьер-министром был тот же М. Скуиениекс, что и в 1927 г., однако это был уже другой Скуиениекс, который сейчас полностью отказался от своих социал-демократических взглядов и основал новую, националистическую партию «Прогрессивное объединение», в правительстве больше не было представителей ЛСДРП и более активного сторонника торгового договора 1927 г., чем сам Скуиениекс, министра иностранных дел Ф. Циеленса, не говоря уже о более активных «промосковских» представителях Ф. Мендере, К. Лоренце и А. Бушевице, которые, не будучи в правительстве, были способны работать на благо договора.

Теперь министром иностранных дел был беспартийный карьерный дипломат Карлис Зариныш, который не являлся противником нового договора, но и не был идеологическим борцом за него. Тем не менее оба хотели договора и оба были готовы на политические уступки в его пользу, но все испортило негативное отношение Москвы. В Советском Союзе из-за развития экономического кризиса, который оказал огромное влияние на внешнюю торговлю, был огромный внешний долг, отрицательный торговый баланс и недостаток валютных средств, вызванный огромными закупками за рубежом оборудования и сырья (речь идет о так называемом «сумасшествии импорта», которое началось в 1927 г. для поддержания «диких» темпов индустриализации)³. Кульминация торгового оборота Латвия—СССР 1929 г., когда индексы латвийского экспорта в СССР и импорта из СССР по сравнению с 1925 г. были следующими: экспорт

Расширенный вариант статьи, опубликованной ранее: Странга А. Торговая, политика, отношения Латвии с СССР в 1932 году и газета Сегодня // Avoti: Труды по балто-российским отношениям и русской литературе: В честь 70-летия Б. Равдина / Под ред. И. Белобровцевой, А. Меймре, Л. Флейшмана. Stanford, 2012. Ч. 1. С. 215—250. (Stanford Slavic Studies. Vol. 42). Перевод с латышского А. Лапковского.

в 1925 г. — 105 %, в 1929 г. — 559 %, импорт в 1925 г. 78 %, в 1929 г. — 126 %⁴, была безвозвратным прошлым.

Хотя высшей точкой валютного кризиса в СССР были август 1931 г. и конец 1932 г., когда проходили переговоры с Латвией о новом договоре, и худшее было уже позади, в начале 1933 г. государственный внешний долг составлял примерно 1 млрд рублей⁵.

Валютный дефицит, вызванный падением цен на мировом рынке на главные объекты советского экспорта, коих было четыре-пять: более всего — на зерновые, а также на лесоматериалы, лен и пушнину, менее всего — на нефть; соответственно в Латвию СССР экспортировал небольшое количество продуктов и товаров, и количество их покупателей не было велико; в 1933 г. 45,3 % советского экспорта составляли зерновые, лесоматериалы, нефтепродукты и пушнина⁶, и в соответствии с этим небольшой по объему экспорт зависел от цен на мировом рынке и небольшого числа покупателей этих товаров; возможности маневрирования, как и в Латвии, были ограничены, однако факт использования рабского труда заключенных ГУЛАГа, особенно в деревообработке, и реализации продукции по сниженным, демпинговым ценам, вызвал ответную реакцию: первыми в 1930 г. ввели бойкот на поставки из СССР США и Франция, а Канада в 1932 г. полностью остановила импорт из СССР. Это было важнейшим экономическим фактором, который уменьшал интересы Москвы и даже возможности торговли с Латвией⁷, особенно тем, что так было важно для Латвии, — импорт СССР, который, за исключением бартерных операций и транзита через Латвию⁸, СССР должен был оплачивать валютой.

Могло показаться, что Москве сейчас требуется именно то, что Латвия имела в избытке, — продукты питания: уже в конце 1931 г. в СССР начался голод. 28 февраля 1932 г. латвийский посол Латвии Я. Сескис сообщал в Ригу: «Принудительная коллективизация и плохой урожай прошедшего года довели русский народ и крестьянство до чрезвычайных лишений, а в некоторых местах — до голода»⁹.

В прилежащих к черноморским портам районах агенты-заготовители зерновых отнимали у крестьян все зерно... Требовалось обеспечивать корабли экспортным грузом... Некоторые крестьяне от отчаяния совершали самоубийства, другие же видели выход в сопротивлении. В некоторых местах были образованы банды «лесных братьев». В ноябре 1932 г. И. В. Сталин и второй секретарь ЦК ВКП(б) Л. М. Каганович окончательно определились по открытой и плановой войне против крестьян, особенно на Украине, где она приобрела форму геноцида — голодомора, в результате которого погибли более 3 млн человек.

Возможность облегчить участь гибнущих от голода людей путем импорта продовольствия Сталин полностью отверг¹⁰, более того, на осенних переговорах 1932 г. Москва желала, чтобы Латвия закупала у СССР зерновые¹¹. Однако главным фактором, который настраивал Москву против заключения нового договора с Латвией, был недостаток политического интереса. В 1932 г., в отличие от 1927 г., в центре политических интересов оказалось положение на Дальнем Востоке, где японскую агрессию против Китая и Маньчжурии, непосредственно граничивших с Советским Союзом, Сталин рассматривал как оккупацию этих территорий, как большую проблему и напрямую связывал ее с желанием Токио, по его мнению, окружить СССР, создав военный альянс с Польшей и Румынией на советских западных границах¹².

Главной целью Советского Союза стало подписание договора о ненападении с Польшей, за который выступал сам Сталин¹³ и который был заключен 25 июля 1932 г., когда Варшава, взволнованная растущим национализмом и реваншизмом в Германии, также продемонстрировала склонность к компромиссу с Советским Союзом.

Место Латвии в советской политике договоров о ненападении было маленьким, тем не менее подобный договор был подписан 5 февраля 1932 г., тем самым главные политические интересы Москвы на тот момент были почти достигнуты и потребность в торговом договоре была весьма невелика.

В соответствии с договором 1927 г., если за полгода до истечения срока договора, т. е. до 12.00 часов 5 мая, ни одна из сторон не денонсирует его, то он будет считаться автоматически продленным еще на один год.

Уже в начале 1932 г. два высокопоставленных московских чиновника, имевших разное мнение о торговле с Латвией, — народный комиссар внешней торговли А. П. Розенгольд, который отношения с Латвией оценивал главным образом с позиций экономических выгод и традиционно был скептичен по части их значения для СССР, и член коллегии народного комиссариата иностранных дел Б. С. Стомоняков, который курировал в комиссариате прибалтийские страны и который по крайней мере до 1931 г. был настроен в пользу договора, надеясь извлечь из него политическую выгоду¹⁴, — пришли к единодушному мнению: договор следует денонсировать.

Однако Стомоняков, как об этом свидетельствует его письмо Сталину от 14 апреля, считал, что положение Латвии по отношению к СССР среди других прибалтийских стран имеет большое значение, «особенно в военное время», и поэтому, хотя договор 1927 г. не указывал на «ориентацию Латвии на СССР, мы тем не менее безо всякого сомнения путем заключения договора вбиваем клин между Латвией и Эстонией и ставим барьер между Польшей и балтийскими странами», посоветовал после денонсации договора начать переговоры о заключении нового договора, выгодного для СССР.

Розенгольд, в свою очередь, считал, что после денонсации договора следует не только не начинать новые переговоры, но и полностью прекратить торговые отношения с Латвией, поскольку от этого СССР ничего не теряет¹⁵. Вопрос разрешил Сталин на заседании политбюро 23 апреля: договор денонсировать, новые переговоры начать и выдвинуть в них не только выгодные Москве экономические требования (например, уменьшить в более чем семь раз импорт), но и политические: Рига должна предпринять более радикальные меры по отношению к белогвардейским организациям и прессе в Латвии в качестве компенсации за новый договор¹⁶.

Хотя за возможность денонсации договора Москва уже высказалась в 1931 и в начале 1932 г., тем не менее, принимая посла Сескиса 25 февраля и 13 апреля 1932 г., Стомоняков не обмолвился об этом ни единым словом¹⁷, и в Риге никто всерьез не воспринимал такую возможность, так же как не было обращено внимание на то, что в прессе СССР и изданиях латвийских коммунистов стали активнее писать о так называемых белых русских в Латвии.

Уже в январе 1932 г. пленум ЦК Компартии Латвии (КПЛ) в Москве объявил, что «под эгидой правительства М. Скуиениекса происходит призыв белогвардейцев к войне с СССР»¹⁸. Это же повторил руководитель КПЛ в Советском Союзе Янис Круминь-Пилатс 5 марта: «...в Латвии допускается полулегальный призыв

Издатели, редакторы и сотрудники газет «Сегодня» и «Сегодня вечером». В первом ряду третий слева Б. Харитон — редактор «Сегодня вечером», пятый слева — соиздатель газет Я. Брамс; в первом ряду первый справа критик П. Пильский, второй справа — будущий редактор «Сегодня» М. Мильруд, третий справа редактор «Сегодня» М. Ганфман. Фото конца 1920-х гг.²²

белогвардейцев к войне с СССР»¹⁹. В марте в распоряжении латвийской политической полиции оказались документы, из которых следовало, что коммунистам следовало объявлять, что «и наша маленькая Латвия втянута в подготовку к интервенции, о которой свидетельствует сильная правительственная поддержка эмигрантов и монархистов»²⁰. 10 апреля газета «*Komunāru Cīņa*» («Борьба коммунаров») ясно указала, что «одним из элементов подготовки антисоветской интервенции» является антисоветская пропаганда, которую особенно распространяет газета «Сегодня»²¹. На писания изданий КПЛ редко кто в Латвии обращал внимание, и это заявление было пропущено и теперь.

Тем не менее уже в начале апреля на XVII съезде Латвийской социал-демократической партии (ЛСДРП), проходившем 2—3 апреля, председатель партии Ф. Мендерс высказался довольно знаменательно: «С опасным равнодушием правительство Скуиениекса относится к дальнейшей судьбе торгового договора между Латвией и Советской Россией»²³. Ф. Циеленс, давний партийный соперник Мендерса и руководитель иностранной комиссии в Сейме, — публичная персона, в деле «белогвардейцев» был солидарен с Мендерсом и 3 апреля не только осудил местных «белых русских» за то, что они были готовы спровоцировать конфликт на латвийско-российской границе, наподобие конфликта на Дальнем Востоке, но и что правительство Блэдниекса об этом не только знает, но и, возможно, тайно поддерживает. Знали ли Мендерс и Циеленс об ожидаемой денонсации договора или нет, судить трудно, однако, принимая во внимание отношения руководства партии с посольством СССР и его полпредом А. И. Свидерским, не исключено, что знали²⁴.

Однако в правительстве и в прессе царили мир и покой до самой последней минуты, и, когда в конце апреля Свидерский отправился в Москву, в прессе это было оценено как поездка за инструкциями для продления договора; таким же

Вениамин Зив

было и мнение хозяйственной комиссии Сейма: «5 мая ни с одной, ни с другой стороны не ожидается денонсация договора»²⁵. То, что привез Сви́дерский, явилось неожиданностью для Риги. 4 мая в 13.00 в латвийском Министерстве иностранных дел было создано заседание хозяйственной комиссии, на котором обсуждался вопрос и о договоре с СССР в полной уверенности, что Москва договор продлит. Заседание комиссии еще не было закончено, как в 14.00 в министерстве появился Сви́дерский²⁶, посетил министра иностранных дел Зариньша и вручил ему ноту о денонсации договора: «...появление новых изменений в мировых экономических обстоятельствах в условиях всеобщего кризиса внесли новое положение в экономических отношениях Лат-

вия—СССР. Учитывая, что торговый договор между Латвией и СССР был заключен в других экономико-политических обстоятельствах, правительство СССР не усматривает возможности еще раз продлить этот договор после 5 ноября с. г. и предлагает начать переговоры о заключении нового договора»²⁷. Тон ноты был нейтральным, уравновешенным, и ничто не свидетельствовало о грядущих тяжелых, полных политического шантажа переговорах Латвии в будущем. В свою очередь на следующий день в совсем другой части Европы, в Париже, 6 мая после полудня был убит президент Франции Поль Дюмер.

Убийца был психически неуравновешанным русским эмигрантом П. Т. Горгуловым, который утверждал, что отомстил П. Дюмеру за слишком добросердечное отношение к СССР. Жестокое убийство явилось для СССР подарком, поскольку давало предлог для усиления борьбы с русской эмиграцией и обвинения всех эмигрантов в терроризме. Хотя «белогвардейский» вопрос Москва была готова поднять в контексте заключения торгового договора еще до убийства Дюмера, после 6 мая он был особенно обостренным, при этом использовались никогда не утихающие подозрения против русских эмигрантов и всего русского меньшинства как нелояльного Латвийскому государству, которые были особенно сильны у премьер-министра М. Скуниеникса и его окружения.

Буквально, как и следовало предполагать развитие событий, 8 мая совещание русских хозяйственных работников в Резекне, отмечая прирост подозрительности против местных русских, акцентировало внимание на их лояльности государству: «Русское национальное меньшинство расценивает себя составной демократической частью Латвии»²⁸. Совещание, в котором принимал участие и русский депутат Сейма М. Калистратов, в ходе обсуждения отразило лояльность большинства местных русских, но отметило их враждебную настроенность против коммунизма и СССР. Газета «Сегодня», которая являлась объектом ненависти Москвы и к тому же следовала за издававшейся в Париже русской газетой «Возрождение», написавшей 10 мая о Горгулове как об агенте ЧК²⁹, на своих полосах широко повторила эту версию, скорее всего безосновательную, вызвав тем самым еще большую ненависть Москвы по отношению к себе. «Сегодня», которая уже в 1927 г. была последовательной противницей торгового договора с СССР, 5 мая посвятила всю первую полосу денонсации договора и критике СССР; известный экономист д-р Вениамин Зив полагал: «В конце концов все торговые договоры с Советской Россией оборачиваются потерями для цивилизованных

стран»³⁰. Руководство газеты, конечно, не знало, но Москва уже начала борьбу против «Сегодня» не на жизнь, а на смерть.

Торговля в плену у политики

Реакция латвийского правительства на денонсацию договора была очень нервной. Согласно донесению Свидерского Стомонякову, в Министерстве иностранных дел Латвии царил паника, все друг с другом перегрызлись в поисках виновных, и было решено демонстративно поменять посла в Москве и отозвать Я. Сескиса, которого обвинили в том, что он своевременно не предупредил Ригу о денонсации договора³¹. При этом продолжались обвинения Москвы. 9 мая газета «Правда» сообщила, что все «белогвардейцы» в Европе несут коллективную ответственность за убийство Дюмера, задуманное как начало для империалистического нападения на Советский Союз. Указывалось на рост терроризма в среде русских эмигрантов, их безнаказанной провокаторской деятельности в Париже, Варшаве и Риге и о его вдохновителе — белогвардейской газете «Сегодня»³².

И то, что латвийский Сейм все еще не ратифицировал договор о ненападении³³, также злило СССР. 12 мая Свидерский посетил Зариньша и вручил проект так называемого примирительного договора, который регулировал разрешение разногласий после ратификации договора о ненападении. Не давая Латвии перевести дух, уже на следующий день, 13 мая, Свидерский снова был у Зариньша и вручил ему меморандум с обвинениями Латвии в том, что местная «белогвардейская» пресса «пропагандирует» террористическую деятельность против работников СССР и старается «систематически и планомерно вызвать конфликт между Латвией и СССР»³⁴.

Ключевым было слово «терроризм» в контексте убийства Дюмера. В подтверждение этому были упомянуты три статьи: одна от 10 марта 1932 г. в небольшой русской молодежной «Нашей газете» (издатель А. Илюкевич), две другие — от 13 и 30 апреля в большой газете «Сегодня»; ни в одном из двух изданий не было никакого призыва к террору против «советских работников». В этот же день Свидерский посетил самого премьер-министра М. Скуиениекса и вручил ему конфиденциальный «Список активных белогвардейцев, проживающих в Латвии» (20 лиц, которые были вдохновителями и организаторами «терроризма»). Знаменательно, что он был вручен Скуиениексу, а не Зариньшу, обоснованно полагаясь на его большую отзывчивость. В списке не было князя А. П. Ливена, но все упоминаемые в нем личности были с ним связаны непосредственно или косвенно, и было понятно, что известный ветеран борьбы за независимость Латвии является главной целью Москвы наряду с газетой «Сегодня»³⁵. Тотчас после меморандума СССР газета латышских коммунистов в Советском Союзе «*Komunistu Sīna*» начала обвинительную кампанию против Латвии под лозунгом «Латвия — гнездо белогвардейских организаций»³⁶.

Характерно, что в это время, когда Москва обвиняла Ригу в попустительстве деятельности «белогвардейцев» в Латвии, латышские коммунисты, управляемые и финансируемые СССР³⁷, продолжали разного рода деятельность против Латвии: 10 мая латвийские пограничники задержали в Латгалии двух курьеров латвийской секции Коминтерна Станислава Лабецкого и Григория Евфратова, которые пытались тайно перейти границу со стороны СССР с двумя мешками листовок и прокламаций, в которых «пролетарии» подстрекались на борьбу против Латвии³⁸.

Самая широкая информация об их задержании и роли СССР в планировании, проведении и финансировании деятельности, направленной против законного правительства Латвии, была опубликована непосредственно в газете «Сегодня»³⁹. 6 июня у Зилупе был задержан другой «посол» органов безопасности — Петерис Милчс, который пытался нелегально пересечь границу с заданием шпионить в Латвии⁴⁰. В свою очередь нелегальный ЦК КПЛ 12 июня принял план ближайших мероприятий, в котором отмечалось и следующее: «Выдворить из Латвии белогвардейских эмигрантов, которые образуют свои банды и провоцируют на войну против СССР»⁴¹.

Побуждать ЛСДРП особо не требовалось: уже до денонсации договора и убийства Дюмера на первомайской демонстрации социал-демократы Латвии выдвинули лозунги, в которых не отражалось реальное положение в стране: «Сохраним мир», «Долой фашизм», «Долой вооружение»⁴². Газета “*Sociāldemokrāts*” («Социал-демократ»), ведомая политической и идеологической ненавистью к «белым» и представительством СССР в Риге, опустилась до уровня бульварных листов: «Как сообщает один из наших читателей, что он слышал сообщение одной из советских радиостанций о том, что в Латвии в связи с событиями на Дальнем Востоке стали очень активны русские белоэмигранты... О том, что белоэмигранты в Латвии «готовятся», мы уже сообщали неоднократно»⁴³. Тем не менее “*Sociāldemokrāts*” была вежлива в сравнении с настроением газеты “*Latviešu Balss*” («Латышский голос») — органе партии премьер-министра Скуиниекса («Прогрессивное объединение»): «То, что бесполезно ждать признательности и благодарности от бежавших из царской России жидов и русских эмигрантов тем странам, которые не только предоставили им убежище, но и возможность спокойно жить и работать, — все это блестяще подтверждается взволновавшим все цивилизованное человечество убийством президента Франции. Однако было бы неверным за произошедшее убийство возложить вину только на убийцу, оставив незамеченными и безнаказанными побудителей и прямых вдохновителей. К последним, несомненно, стоит причислить и эмигрантскую прессу... Деятельность газеты “Сегодня” и ее сотрудников мы не можем не отметить как вредоносную для интересов Латвии»⁴⁴.

Это было именно то, что было нужно Москве: все русские обозначены эмигрантами, враждебно настроенными к Латвии⁴⁵, все русские и все эмигранты — террористы, а терроризм вдохновляет газета «Сегодня»⁴⁶.

Газету партии Скуиниекса точас же поддержала газета “*Pēdējā Brīdī*” («В последний момент») в том же русофобском и антисемитском духе, но, идя дальше в своих утверждениях: «Эта заметка полностью совпадает с нашими мыслями о том, что Латвии нужно сделать выводы из покушения Горгулова. Только надо, чтобы за словами последовали бы дела — высылка всех антигосударственных элементов из Латвии»⁴⁷. То, о чем мечтали в СССР! И чтобы сделать это более значимым, газета стала приводить ложные связи между русскими Риги и Горгуловым⁴⁸.

В то же время самым корректным к происходящему было отношение газеты “*Latvijas Kareivis*” («Латвийский воин») и органа Латышского крестьянского союза — газеты “*Brīva Zeme*” («Свободная земля»), которые не поддавались на сенсации, ни давлению Москвы, ни русофобии и антисемитизму. В свою очередь «Известия» 2 июня сообщили, что «в массе латвийских рабочих растет серьезное движение против угроз империалистического нападения на СССР»; в качестве

примера «серьезности движения» были знаменательно упомянуты благожелательные высказывания в адрес СССР председателя ЛСДРП Мендерса⁴⁹.

Хотя в Латвии и прозвучали многочисленные обвинения в адрес «белогвардейцев», однако практические шаги в их сторону правительством Скуиениекса предприняты не были: единственное, что было сделано, — был приостановлен выход газеты «Наша газета» (10 номеров), а против А. Илюковича было начато расследование⁵⁰. Никто не был арестован, никто не был выслан, и Москву это, конечно, не устраивало.

Для оказания влияния на Латвию были применены чувствительные меры.

Одновременно с денонсацией договора именно в мае месяце СССР стремительно сократил свой транзит через Латвию; если обычно по латвийской железной дороге следовали от 150 до 200 вагонов в день, то теперь их количество внезапно сократилось до 50⁵¹. В Риге надо было что-то предпринимать, и очевидно, что в министерстве были недовольны послом Сескисом, к тому же еще перед несчастной денонсацией договора 17 мая Сескис получил от Зариныша зашифрованную телеграмму, в которой не говорилось о его отзыве, но поручалось запросить согласие Наркомата иностранных дел СССР для нового посла д-ра А. Билманиса⁵².

Это был не прямой, но оскорбительный способ сообщить Сескису о его отзыве («Но из этого следует, что я буду переведен на другую работу», — ответил он Заринышу 18 мая⁵³). Сескис, один из первых видных латышских дипломатов, был послом в Советском Союзе с октября 1929 г. Показательно, что именно сама Москва желала иметь послом Сескиса: в тот момент она уже долгое время старалась подкупить влиятельную партию (Латышский крестьянский союз) и ее лидера К. Ульманиса, размещая свои заказы в рамках договора о торговле непосредственно с предприятиями, связанными с партией, чтобы позволить заработать и партии, и как бы самому Ульманису. Непосредственно в разговоре с ним в марте 1929 г. полномочный представитель СССР в Латвии И. Л. Лоренц упомянул имя Сескиса⁵⁴, и тот действительно был назначен послом. Казалось, что Москва была им довольна, в отличие от очень негативного отношения к его предшественнику Карлису Озолсу⁵⁵ — серьезному, самостоятельно думающему и не подверженному советским интригам дипломату⁵⁶.

Тем не менее уже в самом конце 1931 г. в Риге было решено отозвать Сескиса, и Зариныш ему сообщил об этом в письме задним числом 24 мая 1932 г., не вполне ясно обосновывая: «Всем известно, что работать на дипломатической ниве СССР означает выполнять неблагодарные и трудные задания и учитывать особые обстоятельства, которые направляют работу в Москве, а также Вам, наверно, не всегда удавалось взглянуть на достигнутые результаты с таким же удовлетворением, с которым это было бы возможно, действуя Вы в иных государствах»⁵⁷. Самым странным было то, что в декабре 1931 г. Латвия и СССР находились в активной фазе переговоров по поводу договора о ненападении, и для замены посла это был самый неподходящий момент. Почему появилось такое желание, неизвестно, но замена произошла не после подписания договора о ненападении — возможно, что в Риге пришли к заключению, что для Москвы это будет неприятным жестом (в заключительной стадии переговоров, которые проходили в Риге в январе 1932 г., Сескис не участвовал, их вели Стомоняков и генеральный секретарь Министерства иностранных дел Албатс). Знаменательно, что, согласно инструкциям, данным Стомонякову, ему было разрешено намекнуть Риге, что подписание договора о ненападении можно положительно отозваться на

других интересующих Латвию вопросах, каковым был, конечно же, торговый договор⁵⁸. Возможно, что Рига поверила, что вслед за подписанием договора о ненападении последует продление и торгового договора, что позволяет объяснить большое удивление в мае месяце, когда произошло обратное, а также «проспавшего» ситуацию в Москве и не собиравшего активно информацию о будущем договора Сескиса.

Денонсация договора была хорошим предложением, чтобы сменить Сескиса. А причина?

На мой взгляд, причины были две: во-первых, хотя Сескис и был членом Латвийского крестьянского союза, он не был приближенным к Ульманису: Билманис был совершенно незначительным человеком в борьбе Латвии за международное признание в 1918—1920 гг. (в отличие от Сескиса, что придавало тому чувство собственного достоинства), а активным функционером Латышского крестьянского союза, даже председателем рижского отделения партии в 1923—1925 гг.⁵⁹ и полностью послушным Ульманису.

Однако и этого было бы мало: второй причиной, наверное, было то, что он, как и сам министр Зариныш и в то время директор административно-юридического департамента министерства Мунтерс, и некоторые другие дипломаты, был масоном, а Сескис был критически настроен против масонов, особенно против влияния Мунтерса⁶⁰.

Нет ясности, да это и не так уж важно, в том, что инициатором назначения Билманиса был осторожный Зариныш или его на это подвигнул Мунтерс, но беспартийному министру самому, в одиночку было бы трудно обеспечить «добро» для Билманиса в иностранной комиссии Сейма⁶¹, без которого не мог быть назначен ни один посол.

Сескис официально был отозван 30 июня, а Билманис был быстро назначен послом (официально с 1 июля, выехал в Москву 30 июня) и прибыл в Москву с большой и необоснованной решимостью, что именно он быстро разрешит все сложные вопросы. 5 июля он был аккредитован, но эпопея торгового договора только начиналась, и смена посла Советскому Союзу ничего не говорила, более того, позднее Москва в ходе сильного дипломатического давления (так, только в конце мая — начале июня Свидерский посетил Зариныша пять раз: 28 и 30 мая, 6, 16 и 17 июня) приуспела еще в двух оставшихся делах.

Во-первых, 18 июня Зариныш и Свидерский в Риге подписали конвенцию о порядке примирения, которая прикладывалась к договору о ненападении и определяла, что споры между СССР и Латвией, если таковые возникнут, будут решаться не в международной арбитражной комиссии, а, как всегда этого хотела Москва, в двухсторонней советско-латвийской комиссии с двумя членами от каждой стороны⁶².

Во-вторых, 21 июня на своем последнем заседании перед летними каникулами Сейм наконец ратифицировал договор о ненападении с СССР⁶³. Москва достигла того, чего хотела, но, готовя в верхах фиаско нового торгового договора, продолжала разжигать вопрос о «белых» русских.

Сразу же после получения 13 мая меморандума латвийское Министерство иностранных дел стало тщательно готовить ответ Москве: многие отвергнутые варианты ответа свидетельствуют об этом, и в конце концов 5 июля Рига ответила своим меморандумом, в котором отмечалось, что латвийское правительство честно выполняло условия мирного договора 1920 г. и никаких «белогвардейских террористов» в Латвии нет.

В свою очередь Москва допускает враждебную деятельность латышских коммунистов у себя в Советском Союзе по отношению к Латвии («представлены и открыто действуют организации, целью которых является свержение латвийского правительства и существующего в Латвии строя»). Так же, как Москва 13 мая назвала 20 «террористов» в Латвии, Рига назвала многочисленных действительных руководителей КПЛ, которые живут в СССР и ведут против Латвии подрывную работу⁶⁴, включая их радиопередатчики, вещающие на Латвию на латышском языке, которые особенно активизировались именно в мае месяце, когда Москва впервые заявила о поддержке Латвией «белогвардейцев»⁶⁵. Хотя латвийский меморандум был корректен и обоснован, ЛСДРП так хотела угодить Москве и выполнить ее указания, что раскритиковала вручение меморандума как недопустимую перестраховку, на что орган Латышского крестьянского союза «*Brīvā Zeme*» обоснованно заметил: «Меморандум Советской России содержал множество аргументов, которые необходимо было опровергнуть, и их опровергли как необоснованные»⁶⁶.

В июне латвийское Министерство финансов подготовило корректный обзор выполнения условий договора 1927 г. и их результаты и, несмотря на достижения договора, отметило также его недостатки с точки зрения интересов Латвии: почти по всем группам товаров (числом 28), импортируемых из СССР, применялись значительные таможенные скидки в размере 15—33 %, что послужило причиной, хотя и не единственной, выдавливания с латвийского рынка продукции других стран⁶⁷. Хотя формально СССР разместил заказы на поставку товаров на 140,6 млн латов, а дефицит (неразмещенные заказы) составлял только 20,1 млн латов (хотя реально дефицит был в два раза больше), Латвия поставила в СССР товаров и сырья на 120,3 млн латов, которые были, разумеется, большой суммой. Транзит через Латвию был также значимым, но в 1931 г. и первой половине 1932 г. стремительно снизился транзит в СССР: в Советском Союзе был тяжелый валютный кризис, что радикально снизило импорт. Более всего пострадал транзит через вентспилсский и лиепайский порты, который фактически был приостановлен. Во время действия договора очень мало латвийских предприятий получили заказы. Совершенно без надобности Латвия обязалась поставлять в Советский Союз три вида товаров: вагоны (не было выполнено заказов на очень большую сумму — 24,9 млн латов), бумагу — на 13,1 млн латов, шерсть — на 9,6 млн латов⁶⁸.

Оценка Министерства финансов была очень объективной и должна была охладить отношение Скуиениекса и Зариньша к новому договору, но этого не произошло⁶⁹.

С самого начала формирование делегации по переговорам с СССР столкнулось с трудностями. По началу Скуиениекс хотел большую политическую делегацию, наподобие той, которая пришла к заключению договора в 1927 г., но, несмотря на то, что многие партии хотели иметь своих представителей в надежде выбить из русских заказы для своих предприятий, никто не хотел взять на себя руководство делегацией: то, что переговоры могли провалиться, чувствовали многие, отсюда рождалась готовность «пожертвовать» местом руководителя делегации, для того чтобы обезопасить себя политически. Начались поиски главы делегации, в ходе которых от предложения возглавить делегацию отказались член коалиции — депутат от Латышского крестьянского союза директор Государственного земельного банка Хуго Дзелзитис, а также другие участники коалиции — бывший президент Латвии, депутат от Демократического центра Густав

Земгалс (у обоих не было никакого опыта в заключении торгового договора). В какой-то момент показалось, что Скуиениекс нашел изобретательный и одновременно экстравагантный способ решения: он предложил оппозиционной ЛСДРП не только место делегата в комиссии, но и дал понять, что может предложить возглавить делегацию. ЛСДРП была к этому готова, необоснованно надеясь повлечь своими силами в 1932 г. «чудо» 1927 г., но по версии социал-демократов на их и Скуиениекса пути оказался Латышский крестьянский союз и сам Ульманис.

Однако ревность Ульманиса к своим старинным противникам, если таковая и имелась, была совершенно не причем; скорее наоборот: следовало доверить им руководить делегацией и пережить крах переговоров, так как Москве договор был не нужен, что послужило бы сильным политическим ударом для восхвалителей прямых хозяйственных связей с СССР — социал-демократов. В конце концов Скуиениексу пришлось решиться на небольшую техническую и профессиональную делегацию: 26 июля правительство утвердило ее главой Ансиса Петревица⁷⁰, который был полностью частным лицом и занимался адвокатской практикой.

В свою очередь в Москве на заседании политбюро главой делегации был утвержден Стомоняков и было решено начать переговоры в середине сентября⁷¹. Позиция Москвы была византийской: хотя Ансис Петревиц оценивался весьма отрицательно, как «наш наизлейший враг», идейно близкий к Арведу Бергу, который был откровенно отрицательно настроен против СССР, в том числе также против договора 1927 г., однако вместе с тем было отказано в предложении заместителя наркома внешней торговли Ш. З. Элиавы оказать давление на Ригу с умыслом сменить Петревица, но пришли к выводу, что «нахождение врага» в руководстве латвийской делегации для Москвы выгодно, если отношения с Латвией обострятся. Здесь была ясная установка на неудачу переговоров еще до их начала, и предлогом — вряд ли причиной — было так называемое дело «белогвардейцев», которому Советский Союз придавал роль средства провала переговоров: уже упомянутые обвинения правительства Скуиениекса в наличии враждебной организации «белых» русских и разрешении деятельности в Латвии прессы, враждебной СССР⁷².

10 августа 1932 г. полномочный представитель СССР в Риге Морштейн подал Зариньшу новый меморандум, в котором, отвечая на июльский меморандум Латвии, утверждалось, что правительство СССР не несет никакой ответственности за действия Коминтерна и КПЛ в СССР, и Латвии были выдвинуты новые обвинения за разрешение действовать «белым» русским и недостаточную борьбу с ними после меморандума от 13 мая. Все упомянутые в ноте СССР белогвардейцы были хорошо известны политической полиции Латвии, находились под ее наблюдением, а их деятельность — под контролем.

Зариньш на самом высоком уровне получал исчерпывающую информацию о действиях русских в Латвии. 17 августа сам министр внутренних дел Каулиньш, опираясь на объективные данные политической полиции, отметил, что Латвия честно выполняет условия договора с 1921 по 1932 г.: из страны были высланы более 100 монархистов, в действиях которых было обнаружено нарушение закона, но, что касается людей, упомянутых в меморандуме от 13 мая, — все они являются гражданами Латвии, а не эмигрантами, и было отмечено, что не известен ни один факт о совершенных ими преступлениях, за что они могли бы быть привлечены к ответственности⁷³; (политическая полиция отметила, что по крайней мере один из них, Сергей Карачевцев, в 1922 и 1927 гг. действительно был задер-

жанным за деятельность в монархистской организации, но с того времени ничего незаконного не совершал, а возможно — так казалось полиции, — сам начал поддерживать связь с секретными службами СССР)⁷⁴.

19 августа военный министр генерал Я. Балодис и командующий армией генерал М. Пеникис представили Зариньшу заключение, основываясь на материалах армейской разведывательной службы и контрразведки, которые также подтвердили, что никакая тайная террористическая деятельность против СССР в Латвии не ведется, но добавили: «В штаб армии начиная со второй половины прошлого года приходят сообщения агентов, что ОГПУ выдает за сбор сведений крупные денежные суммы для организаций русских эмигрантов в Латвии, особенно для БРП (Братство русской правды)»⁷⁵. Однако через полтора месяца — за это время «белые» ничего противозаконного не сделали — сам глава правительства Скуиениекс, желая договора с СССР и подчиняясь его давлению, инициирует репрессии, в действительности очень умеренные, против «белых» русских; перед этим Зариньшу стали доставлять проблемы не только Москва, но и новый латвийский посол Билманис.

Едва Билманис с благословения министра оказался на высокой должности, он уже начал чувствовать себя обойденным — например, правительство назначило руководителем делегации Петревица без консультаций с ним, что Билманиса раздражало, хотя его согласия для принятия правительством решения не требовалось, а неудовлетворенность возникла из-за нарушения субординации. В отличие от министра, который никогда не терял хладнокровия и верности Латвии, как и основным принципам демократического государства, Билманис пробыл в СССР только два месяца, а уже оказался под влиянием Народного комиссариата иностранных дел. Уже в июле он сообщил в Ригу, что «в Советском Союзе очень обеспокоены тем, что русские эмигранты готовились к индивидуальному террору»⁷⁶. «Опасение» было ложным: ни один «террорист» в Латвии не действовал, но настойчиво распространяемая Москвой точка зрения на «Нашу газету», выход которой был остановлен, и газету «Сегодня» как опору «террористов» нашла отклик в сердце Билманиса не потому, что его настрой по отношению к русским был аналогичен настрою Скуиениекса: «Почему такой центр должен быть прямо в Риге, где при въезде на станцию слышен русский язык, где усиленно демонстрируется русская культура — и в школе, и в театре, и в книгах и газетах; напротив, в Таллине, Варшаве, а также в Каунасе эту русскость свели практически к нулю»⁷⁷.

Такие убеждения могли иметь место, и они не были редки в Латвии, но это был плохой лейтмотив в работе дипломата, хотя они очень хорошо подошли бы в менее точной и утонченной профессии — в устах какого-либо депутата от националистической партии в Сейме. Под влиянием Москвы и своих русофобских убеждений в письме от 3 сентября Зариньшу Билманис призывает предпринять активные шаги против «эмигрантов», особенно против последователей Ливена⁷⁸. Это было именно то, чего желала Москва, ведь никакая принадлежность к франкмасонству не смогла повлиять на Зариньшу; более того — Ливен был конфиденциально предупрежден о грозящей опасности и он «обещал нигде не участвовать»⁷⁹.

16 сентября политбюро в Москве приняло следующую директиву для советской делегации на переговорах с Латвией: импорт из Латвии не может превысить 5 млн рублей; баланс торговли должен быть сбалансированным; транзит через

Латвию — не более 150—200 тыс. тонн, если Латвия сделает значительные скидки тарифов; импорт продуктов сельского хозяйства из Латвии: 50 % от общего импорта⁸⁰. Из договора 1927 г. из «особой благосклонности» ничего не оставалось сверх, исключая кажущуюся готовность закупить продовольствие. Делегация Латвии, которая выехала в Москву 24 сентября, в свою очередь, везла проект договора в надежде добыть советские заказы стоимостью 25 млн рублей — в 5 раз больше, чем СССР был готов заказать; транзит — 300 тыс. тонн (притом чтобы это был бы не только транзит, но и грузы для латвийских портов, давая обеспечивающие им работу)⁸¹.

Однако на переговорах, начавшихся 26 сентября, Стомояков не желал обсуждать даже такие скромные условия, которые были акцептованы 16 сентября, но сразу же предъявил Петревицу политические требования в «белогвардейском» деле. Первоначально они были тройкими: в первую очередь, выступить — вплоть до закрытия — против двух уже упомянутых в мае печатных изданий и их журналистов, вплоть до высылки их из Латвии: небольшой газеты «монархистски настроенной русской молодежи» «Наша газета» и большой, известной всей Европе демократической, но немонархистской газеты «Сегодня», которая была объектом ненависти Москвы и помехой, говоря словами Ульманиса, латвийскому экспорту уже в 1920 г.⁸²; во-вторых, против князя Ливена — известного участника борьбы за свободную Латвию, руководителя организации ветеранов войны и особенно — против латвийского отделения международной военизированной организации русских эмигрантов — Русского общевоинского союза (РОВС), основанного в 1923 г. бароном П. Н. Врангелем, где сотрудничали ливенцы; в-третьих, против деятельности в Латвии самой законспирированной антикоммунистической организации — Братства русской правды⁸³.

У Латвии не было иного выхода, как рассмотреть требования, — не только потому, что без этого переговоры не сдвигались с места, но и потому, что формально у Москвы были права выдвинуть требования по упомянутой организации, потому что в мирном договоре 1920 г. обе стороны решили не допускать на своей территории действий, направленных против другой стороны, которые последовательно не замечала сама Москва, разрешая свободно действовать в Советской России КПЛ, целью которой было уничтожение независимой Латвии и присоединение ее к Советскому Союзу, и руководя деятельностью коммунистов и финансируя их в самой Латвии.

В 1932 г. «белые» были подвергнуты смертельной опасности, исходящей от СССР, а также убийц из ОГПУ: если до начала 30-х гг. «белые» были одними из самых главных объектов советской слежки, то теперь они стали «целями специальных заданий»⁸⁴. В двадцатых годах более активные члены РОВС БРП («братья») в Латвии — бывший адъютант Ливена капитан Ф. Зейберлих, «братья» К. Дыдоров, В. Столыгво, М. Федоров, В. Дитерихсон, В. Вреде, К. Брац, К. Лейманис и др. занимались главным образом только доставкой антикоммунистической литературы (листовок) из Латвии в СССР, используя следующие каналы: пограничные переходы в Латгалии⁸⁵ либо услуги контрабандистов, предлагая листовки советским морякам или плотовщикам в Риге⁸⁶, либо пробовали их занести в московский поезд, либо послать их в письмах в СССР⁸⁷.

В начале 30-х гг. эта деятельность была близка к своему концу: ОГПУ почти «закрыло» границу, среди моряков и плотогонов было полно его агентов, переписка с заграницей контролировалась и, что еще важнее, чекисты глубоко внед-

рились в организации «белых», и ОГПУ даже сотрудничало с политическим управлением (сыскной полицией) Латвии в борьбе с ними. Наглядным примером было дело о нелегальной радиостанции в Резекне: в 1931 г. русский белогвардеец, студент Всеволод Кудрявцев (который даже достал у врачей справку о душевной болезни на случай, если был бы разоблачен) в Резекне, на ул. Пилис, 17, смонтировал радиостанцию, которая работала на 37-метровой волне и могла приниматься на расстоянии в радиусе 1200 км днем и 2500 км ночью; это обошлось ему в 2000 латов, но ее содержание потребовало бы еще приблизительно 300 латов — это были большие деньги. Радиостанция могла бы быть названа первым заграничным «радиоголосом», направленным против коммунистического режима СССР⁸⁸, но ее судьба была неудачной: идея радиостанции явилась не самому «невменяемому» Кудрявцеву, а руководителю берлинского отдела БРП А. Колбергу, агенту ОГПУ (возможно, также агенту секретных служб Германии), который дал для ее создания первые 800 латов (скорее всего — деньги ОГПУ), но радиодетали в Латвию привозил руководитель прибалтийского отделения БРП Вреде.

Радиостанция еще не успела начать по-настоящему работать, как ОГПУ передало информацию о ней латвийской политической полиции, и станция была закрыта (представляется, что информация была у самих латышей, они только выжидали какого-то момента, наблюдая за Кудрявцевым)⁸⁹. У политической полиции в Латвии были точные сведения о провокациях, задуманных Москвой в канун переговоров о договоре: уже упомянутый Колберг по своим каналам и через работников торгпредства СССР в Риге Б. Ратинского и Ю. Богданова, а также работника консульской службы П. Абрамова (все — люди ОГПУ) задумал направить в Советский Союз «террористическую группу» завербованного чекистами «брата» Леонида Нольде — декоратора Театра русской драмы (который с марта 1932 г. ежемесячно получал от советского посольства зарплату в размере 300 латов), которая была бы раскрыта. В Москве был бы организован показательный процесс, а Латвия была бы обвинена в поддержке терроризма.

Политическая полиция Латвии своевременно предотвратила провокацию (так же как и другие провокации, которые планировал Колберг, — вовлечь работников разведывательного отдела штаба и контрразведки латвийской армии в доставку литературы БРП в СССР: это позволило бы Москве обвинить Латвию в непосредственно антисоветских действиях⁹⁰). Нольде и другие были арестованы⁹¹, и позднее пятеро были высланы из страны⁹², но это не остановило СССР от спекуляций по вопросам «белых» во время переговоров по торговому договору.

Н а с т у п л е н и е М о с к в ы

До 4 ноября Стомоняков отказывался обсуждать экономические вопросы⁹³ и выдвигал только политические. Расчет СССР был циничным: Латвия находится в глубоком экономическом кризисе и очень заинтересована в торговле с СССР, но Скуиениекс лично не только очень недоброжелателен по отношению к «белым» русским (как, впрочем, и большинство латышей), но и является шовинистом-русофобом, который будет особенно готов к радикальным шагам против так называемых белогвардейцев. В Риге Свицерский передал непосредственно Скуиениексу новый составленный ОГПУ список, и 27 сентября политическая полиция провела обыск в квартире сотрудника газеты «Сегодня» и руководителя Русского национального общества молодежи в Латвии А. Перова (упомянутого в меморандуме СССР от 10 августа), хотя, как уже отмечалось, 17 августа политическая

Максим Ганфман⁹⁷

полиция сделала вывод, что Перов, так же как и другие из московского меморандума, ничего противозаконного не совершили; обыски были проведены также в квартирах десяти других так называемых монархистов.

Возможно, Рига надеялась, что этого будет достаточно и в Москве действительно начнутся переговоры о торговле, но эти умеренные шаги правительства Латвии ни на йоту не изменили позицию Стомонякова, и 29 сентября Зариньш сделал вывод, что «русские до сих пор поддерживают тактику проволочек в связи с известными политическими требованиями»⁹⁴, и эти требования были немалыми. Хотя некоторые печатные издания в Латвии утверждали, что монархисты одновременно являются

и фашистами и всерьез подвергают опасности

Латвию⁹⁵, иные были намного умереннее и более объективны: «Выяснилось, однако, что действия монархистов в организованном виде не проявляются»⁹⁶.

Москву это, конечно, не удовлетворяло: для того чтобы добиться закрытия газеты «Сегодня» — своей главной цели⁹⁸, и высылки ее главного политического редактора Максима Ганфмана, который был одним из более значительных либеральных журналистов дореволюционной России и который, работая в «Сегодня» с 1922 г., в большой мере способствовал ее превращению из местного латвийского издания Латвии в газету, признанную во всей Европе⁹⁹, и был последовательным критиком советского СССР¹⁰⁰, а также высылки из Латвии некоторых других особенно неприятных Советам журналистов. Москва связала газету с «белогвардейцами-террористами», особенно с БРП и Ливеном, который начал сотрудничать с газетой после банкротства газеты «Слово» в 1929 г., сблизился с редакцией, но публиковался только на аполитичные темы: будучи страстным метеорологом, часто в колонках газеты комментировали прогнозы погоды, имеющие сельскохозяйственное значение.

Билманис, подпав под влияние Стомонякова, слал в Ригу одно письмо за другим, предлагая провести большие репрессии против «эмигрантов». 24 сентября Зариньш ответил ему ясно изложенной позицией — в Латвии нет русских террористических организаций — и советовал Билманису «...реагировать на обвинения СССР хладнокровнее»¹⁰¹. Редко какой иной совет смог бы быть неприятнее для дипломата, для которого хладнокровие должно быть одним из неотъемлемых свойств характера. Самоуверенный Билманис чувствовал себя обиженным и, преступив субординацию, 29 сентября ответил: «Я не могу хладнокровно смотреть на то, как ради какого-то десятка (если не больше) чужаков для нашего государства и вообще каких-то сомнительных элементов ставится под сомнение исход трудных переговоров»¹⁰². Это свидетельствовало о том, что он ничего в Москве не понимал: «трудные переговоры» были трудными потому, что договора в СССР не желали, а желали достичь своих политических целей в Латвии за счет демократии и прав латвийских граждан. Получив письмо Билманиса, Зариньш ответил незамедлительно телеграммой: «Принципиально должны быть отвергнуты попытки комиссариата иностранных дел связать ход переговоров по договору о внешней торговле и шансы его заключения с вопросом о русских эмигрантах в Латвии»¹⁰³.

В Латвии, однако, начались аресты (хотя и неширокие и несверхмерные), включая самых ненавистных Москве «белых» русских — борца за свободу Латвии, всегда лояльного Латвии капитана Дыдорова¹⁰⁴, а также К. Лейманиса, К. Браца и др. В то же время следует отметить, что в деле высылки из Латвии, невзирая на грубое давление Москвы, правительство Скуиениекса было очень сдержанным — первоначально было предусмотрено выслать 14 лиц, но в конце концов были высланы только пять: Столыгво, Нольде, Зиле, Столбошинский, Лейманис¹⁰⁵, а Ливена вообще не тронули (хотя 6 октября Зариньш информировала Билманиса, что Свидерский требовал ареста Ливена; Зариньш последовательно придерживался точки зрения, что «приписываемая Ливену роль значительно преувеличена, почти на 100 %»; ясно, что сказанное было предназначено также для того, чтобы Билманис в Москве придерживался этой же точки зрения¹⁰⁶): это было бы слишком одиозно и звучало бы буквально скандально не только за границей, где его имя было хорошо известно и где жила его многочисленная родня, начиная с обоих сыновей и сестры, которая была женой бывшего лорд-мэра Лондона¹⁰⁷, но также вызвало бы неудовольствие в среде многих армейских командиров Латвии, включая тогдашнего военного министра генерала Я. Балодиса, который высоко ценил Ливена, лояльно настроенного борца за свободу Латвии, когда роль соединений Ливена в боях за Елгаву и освобождении Риги от большевиков в 1919 г. была бесспорна¹⁰⁸.

Политическая полиция еще раз пересмотрела свой огромный материал на местных русских и сделала вывод, что практически все представленные в государстве организации русских никаких противозаконных действий не совершают, но нескольких «подрывных» организаций, которые были упомянуты в меморандумах СССР, например Высшего монархического совета, здесь вообще нет. Про Ливена и его супругу Эльзу было известно лишь то, что делало им только честь: на свои личные средства г-жа Ливен поддерживала работу столовых для бедных русских эмигрантов¹⁰⁹. Газета *“Brīvā Zeme”*, сдержанная и спокойная, 20 октября заявила, что произведенных арестов вполне достаточно и в Латвии никакого массового движения монархистов нет и не было; издательство газеты «Сегодня» Латышский крестьянский союз не упомянул ни разу и никогда не причислял к «монархистам»¹¹⁰, зато беспрерывно обращал внимание на необходимость обуздать деятельность КПЛ (правда, следует отметить, что именно в октябре политическая полиция провела массовые аресты коммунистов, продемонстрировав истинную заботу о безопасности государства»¹¹¹).

Однако к удивлению руководства «Сегодня» посол Билманис, с которым газета хорошо сотрудничала в бытность его руководителем отдела печати Министерства иностранных дел и который сам публиковался на ее страницах, встал на сторону требований Москвы и 6 октября написал в Ригу, что действия правительства Латвии для выполнения мероприятий недостаточны и СССР больше всего интересуется то, что «Сегодня», тем не менее, продолжает свободно выходить: «Необходимо было бы привлечь внимание к газете “Сегодня”, которая именно во время проведения переговоров публиковала не только критические статьи о Сталине, Горьком и др., но прямо поносящие их, и следовало бы добиться прекращения этой кампании»¹¹².

Добиться этого можно было бы, только закрыв смелую газету, и Билманис фактически это посоветовал. Над газетой и над свободой печати в государстве сгустились мрачные тучи¹¹³. Руководство газеты начало бой за выживание, при

этом едва ли не в безнадежной ситуации, потому что дипломатическое давление Москвы было очень сильным. Даже если при этом учитывать только активность Свидерского в Риге в течение лишь одного октября месяца, то оно было беспрецедентным: министра Зариньша он посетил 5, 10, 14, 15, 22 и 24 октября, а 18 октября — не только главу правительства Скуиениекса, но и даже президента А. Квисиса; и опять Скуиениекса — 24 октября. Зариньш был вынужден в октябре принять решение не ехать на сессию Лиги Наций в Женеву, поскольку был полностью загружен работой по «белогвардейцам» в Риге»¹¹⁴.

Москва, однако, стала слишком бессовестной и алчной, и это был путь, как обычно, к неудаче. Зариньш информировал Билманиса, что СССР уже не удовлетворяется только требованиями по большинству русских организаций и закрытию газеты «Сегодня», но желает покончить с так называемой «рижской информацией», в том числе запретить аккредитованным в Латвии иностранным корреспондентам посылать своим газетам неприятные советскому правительству новости, призывая в случае необходимости отзываться непослушных корреспондентов, чтобы те покинули территорию Латвии¹¹⁵. Эти требования в вопросах двухсторонних латвийско-советских отношений и внутренних делах Латвии (отношение к «белогвардейцам» и свобода печати) были превращены в международную проблему.

Между тем, пока СССР не добился своей главной цели — закрытия газеты «Сегодня», переговоры в Москве не двигались с места, и в Риге начала появляться неудовлетворенность не только главным виновником происходящего — СССР, но и руководителем латвийской делегации Петревицем; одновременно возникло опасение, что, может быть, Петревиц больше не смог выдерживать давление Стомоякова и поддался в политических вопросах больше, чем на это было готово правительство в Риге. 21 октября Зариньш в письме «милому другу и брату» (франкмасону) Мунтерсу, который был его доверенным лицом в Москве, написал: «Ему [Петревицу] не хватает в этом деле опыта и практики, и поэтому он может сам запутаться и других запутать...»¹¹⁶.

Возможно, что это была безосновательная недоверчивость к руководителю делегации, назначенному правительством, и фаворитизация одного члена делегации — Мунтерса, что делало его чем-то вроде надзирателя над Петревицем, но, учитывая, что Билманис уже попал под влияние Москвы, «перестраховка» Зариньша против всевозможных вероятностей была понятна. Петревиц был отозван в Ригу (выехал 24 октября), чтобы дать сведения Скуиениексу и Зариньшу. Хотя для прессы он высказался, что «для провала переговоров нет оснований»¹¹⁷, в Москву он больше не вернулся, потому что лично уже потерял надежды на успех, которых не было бы, даже если бы переговоры вел «опытный Мунтерс» и даже случае, если «Сегодня» была бы закрыта — договор СССР был просто не нужен.

Газета «Сегодня», однако, выжила. Редакция сделала для спасения газеты все возможное в самой Латвии, включая встречу с «бородачом» — так называли в частных разговорах и корреспонденции Скуиениекса, у которого была борода (в свою очередь Билманис звался «*fatti*» (толстячок) — потому что довольно толстый посол действительно был очень похож на знаменитого американского киноактера Р. К. Арбакла (*R. C. Arbuckle*), который из-за своей полноты получил прозвище «*Fatty*» *Arbuckle*), но, быть может, это и не спасло, если бы не опасения Скуиениекса международной реакции в Европе на закрытие столь известной га-

зеты — о возможности ее закрытия стала писать не только западная пресса, но нескрываемые опасения ему и Зариньшу начали высказывать и послы Англии, Франции и Польши в Риге (это при том, когда отношения Англии и СССР опять усложнились: 17 октября Лондон отказался от торгового договора с Советским Союзом¹¹⁸ — в известной мере повторялся сценарий 1927 г.).

Британцы советовали Риге не уступать давлению СССР по неэкономическим требованиям, которые станут известны 4 ноября, и Зариньш был готов прислушаться к британцам больше, чем это сделал Циеленс в 1927 г. При этом, требуя выслать из Латвии также американского журналиста Дональда Дея¹¹⁹, который уже с начала независимости Латвии был корреспондентом в Риге, благожелательно настроенным по отношению к Латвии и близким другом газеты «Сегодня»¹²⁰, Москва получила себе недоброжелателя в лице посла США в Риге Р. Скиннера, который встал на защиту гражданина своего государства¹²¹. Латвии следовало считаться, что высылка Дея вызовет нападки на нее в американской прессе. Неожиданно соотношение сил уже не было однозначно на стороне Москвы, и об этом свидетельствовало также письмо Зариньша в Москву «брату» Мунтерсу: «По делу преследования русских эмигрантов (еще раз следует отметить, что большинство людей, которых СССР требовал выслать из Латвии, были не эмигрантами, а гражданами Латвии и ее давними жителями. — А. С.) делаем все возможное, но только если это ощутимо не идет вразрез с нашими законами. При всем моем желании нельзя нарушать правовое сознание граждан»¹²². 31 октября Зариньш в разговоре со Свидерским признал, что посольства США, Англии и Франции проявляют большой интерес к происходящему в отношении так называемых «белогвардейцев» и к свободе печати в Латвии, что явилось результатом требований Москвы в отношении иностранных корреспондентов в Латвии¹²³. Проигнорировать позицию западных дипломатов правительство Латвии не могло. На 1 ноября угроза закрытия «Сегодня» были почти предотвращена¹²⁴.

Москва это чувствовала и развернула свое последнее наступление: информация и дезинформация ОГПУ, распространяемая в Риге при посредничестве Свидерского, была передана представителям ЛСДРП столь поспешно, что даже не были исправлены ошибки и неточности в нескольких фамилиях¹²⁵, и 2 ноября газета “*Sociāldemokrāts*” начала новую кампанию против «белогвардейцев», посвятив им большую статью на самой первой полосе¹²⁶, так как это было бы самым главным вопросом для Латвии, и против государственной политической партии (фактически — против правительства), которая допустила, что Латвия стала гнездом действия враждебных СССР и самой Латвии сил (газета почти три недели публиковала полученные из ОГПУ целые «простыни»; в кампанию, конечно, включилась также и газета “*Pedējā Brīdī*”, которая заявила, что в Латвии даже действует тайное военное движение «монархистов»¹²⁷, и прибегла к недостойным нападкам почти на всех местных русских, особенно на депутата Сейма, бывшего ливенца М. Каллистратова, известного руководителя старообрядцев, популистски левого¹²⁸, но не монархиста; многие упомянутые в списках ОГПУ русские, которые доживут до советской оккупации Латвии в 1940 г., после этого погибнут от рук чекистов — например, Каллистратова 23 июня 1941 г. расстреляют в тюрьме в Даугавпилсе; Ливена и Дыдорова спасет только то, что первый умрет уже в 1937¹²⁹, а второй — в 1938 г.)¹³⁰. В тот же день, 2 ноября, когда газета “*Sociāldemokrāts*” стала жертвой ОГПУ в согласованной акции, Зариньша опять посетил Свидерский с жалобами на действия «белых».

Одновременно в этот же день газета “*Jaunākās Ziņas*”, иногда чересчур националистическая и заинтересованная в сенсациях, опубликовала многозначительную передовицу «За чем следует следить, заключая торговый договор с Советской Россией?». «Главным препятствием для заключения договора являлись политические требования русских. Коммунисты [СССР] прежде всего желали бы уничтожить в Латвии все враждебные им элементы... Монархизм и монархисты, точно так же как и коммунисты, неприемлемы для демократической Латвии, и на этом необходимо настаивать прямо. Но как показывают до сих пор известные материалы, по крайней мере часть из преследуемых ныне «монархистов» являются единственными враждебно настроенными к коммунизму людьми. И в таком случае, если не наблюдается какого-то выступления против Латвии, а также против учреждений нашего государства, нынешних двусторонних межгосударственных отношений, нет необходимости предпринимать шаги, которые придали бы нашему государству роль некоего стража коммунистов... Мы будем лояльно выполнять условия мирного договора и не допустим обоснования в Латвии какой-либо монархистской организации. Не позволим также готовить здесь какие-то нападения на Советскую Россию, но и запрещать предоставлять убежище, согласно международному праву, гражданам, которые не восторгаются советским строем в России и коммунизмом, у нас нет ни малейшей причины. Обязанностью наших учреждений является поимка людей, которые настроены против Латвии или хотят уничтожить наше демократическое государственное устройство. Если же, напротив, кто-то (при этом только тихо) ненавидит лишь коммунистов, то нашим учреждениям до этого нет никакого дела... политические требования русских для нас неприемлемы. И договор о торговле с Советской Россией любой ценой нам не нужен»¹³¹.

Две газеты — “*Sociāldemokrāts*” и “*Jaunākās Ziņas*” — в один день, 2 ноября, находились на полностью отличных друг от друга позициях: первая стала представителем СССР и рупором ОГПУ, а вторая защищала истинные демократические ценности. У правительства Скуиениекса еще были иллюзии, и на советские нападки оно ответило точно так же: 3 ноября была закрыта «Наша газета», 10 номеров продержалась газета “*Sociāldemokrāts*”, в которой сотрудничали Р. Зиле и, возможно, В. Вреде, которые фигурировали среди десяти лиц в поданном Москвой в августе меморандуме. Однако для Москвы этого было мало (Вреде в ноте СССР был упомянут не столько в связи с маловлиятельной «Нашей газетой», но в большей степени — с газетой «Сегодня»¹³²; Москва связывала его с главной целью своего наступления): 4 ноября Свицерский был уже у Скуиениекса, а 12 ноября — еще раз у Зариныша.

Активизировались финансируемые и управляемые из СССР латвийские коммунисты в Сейме, которые были «рабочими и крестьянами» лишь формально, и устами своего депутата И. Судмалиса обвинили правительство в нежелании заключать торговый договор¹³³. Мнение КПЛ Зариныша, конечно, не интересовало, и партийные тезисы ему не были известны; в свою очередь Свицерский не был единственным, кто навещал его в эти тревожные дни: столь же частыми гостями министра был также посол Англии (даже более частым, чем Свицерский), посол Франции¹³⁴ (12 ноября у Зариныша были Свицерский и послы Франции и Англии — это была невиданная борьба за Латвию), посол Польши и даже дважды в ноябре посол США.

4 ноября в Москве латвийской делегации наконец был подан проект договора от советской стороны. Он был совершенно невыгоден Латвии: СССР был го-

тов закупить в Латвии товары и продукты на 5 млн рублей, и только 35 % составляла продукция сельского хозяйства; транзит — только 150 тыс. тонн, но Латвия должна была закупить у СССР пшеницу и рожь, а также 10 тыс. тонн сахара, на три продукта — соль, нефть и керосин следовало установить полную монополию, а именно: закупать их только у Советского Союза; к этому же присоединялось требование огромных скидок в таможенных пошлинах для советских товаров (например, для антрацита — на 100 %); срок действия договора устанавливался два года (это были еще более невыгодные условия, чем утвержденные политбюро 16 сентября¹³⁵). Это не удовлетворяло не только Латвию. О советском требовании монопольного права на нефть¹³⁶ узнали и в хорошо информированном посольстве Великобритании в Москве и предупредили латышей не забывать об интересах британских нефтяных фирм¹³⁷. Однако Скуиениекс и Зариньш все еще жили надеждами каким-нибудь образом заключить договор.

Оставшийся в Москве исполняющий обязанности руководителя делегации Озолиньш, конечно, по согласованию со Скуиениексом (он был также его товарищем по партии¹³⁸), пробовал спасти дело интересным, даже удачным способом: в царской России он в 1912 г. был осужден на ссылку в Сибирь, дошел до Нарыма, в котором несколько месяцев жил в одном доме со Сталиным, высланному туда же, и даже помог ему бежать. Теперь, в Москве, он высказал желание встретиться со старым боевым товарищем, но никакого ответа на свою просьбу не получил, и встреча не состоялась¹³⁹. Скуиениексу ничего не оставалось, как только на заседании правительства 11 ноября отозвать делегацию «...для дальнейших инструкций, не полагая переговоры оконченными», при этом Зариньш заявил: «Россия, если пожелает, может возобновить в любое время переговоры в Риге»¹⁴⁰. *“Pedējā Bīdī”* проявила себя очень «знающей»: «В хорошо информированных кругах в Риге возвращение делегации не восприняли как неудачу переговоров...»¹⁴¹. Ничего «хорошо информированные круги» не знали и не понимали: для Москвы не было никакого смысла возобновлять переговоры. «Наша партия такую политику, конечно, продолжит остро осуждать», — заявили посольству СССР верные социал-демократы¹⁴², возлагая вину за прекращение переговоров на и так не слишком угодливого для Москвы Скуиениекса. *“Jaunākās Ziņas”*, отвечая социал-демократам, указывала, что главными торговыми партнерами Латвии были и остаются Англия и Германия: «Прежние предложения русских обещают рабочему классу Латвии еще большую безработицу, поскольку основываются лишь на желании испортить наши соотношения с Западной Европой»¹⁴³.

15 ноября вечером, когда делегация возвратилась домой, на железнодорожном вокзале в Риге Озолиньш, однако, сообщил журналистам: «Переговоры происходили в очень спокойной и дружественной атмосфере»¹⁴⁴. Москва старалась поддерживать в Риге какие-то надежды и не отступила от «вопроса о белогвардейцах», ведь, хотя Свидерский и был, как обычно, активен (визиты к Зариньшу 22, 24 и 28 ноября), правительство Скуиениекса договор не получило, «преследование белогвардейцев» стало терять энергию. В свою очередь «Сегодня», с огромным усилием отогнавшая от себя самую большую опасность для своего существования и свободы печати в Латвии в целом, 18 ноября, в День провозглашения независимости Латвии, с неподдельным чувством уважения к Латвии, но также и с самоуважением, написала: «Политика Латвии — политика мира, основанная на незыблемом желании жить в хороших добрососедских отношениях со своими соседями, — желает заключить торговые договоры на взаимовыгодной

основе. Сомневаться в этом могут только те, кто тайно и открыто старается разрушить государственность Латвии»¹⁴⁵. Не было сомнений в том, к кому были обращены эти слова.

Еще на что-то надеясь, в декабре в Москву был направлена не делегация, а только В. Мунтерс и Р. Гарселлис — директор главного управления эксплуатации железных дорог, — и опять безуспешно. В униженной форме Скуиениекс и Озолиньш пытались напомнить Сталину «старые добрые времена». Сначала Скуиениекс в газете “*Latviešu Balss*” 29 января и 26 февраля 1933 года (газета даже забыла свой антикоммунизм, пытаясь угодить Сталину), а затем, на удивление, в самой крупной газете Латвии — “*Jaunākās Ziņas*”, которая никогда не проявляла интереса к революции, и в частности к большевикам, были опубликованы воспоминания Озолиньша «Каким я помню Сталина» и о его активной роли в побеге Сталина из Нарыма («Сталин счастливо добрался до европейской части России»¹⁴⁶). Был ли Сталин информирован об этой комплиментарной публикации, сведений нет, но она совершенно точно не помогла заключению договора и не спасла обоих: и Скуиениекс, и Озолиньш после оккупации Латвии в 1940 году были высланы в СССР и там расстреляны¹⁴⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Латвийский государственный исторический архив (далее — ЛГИА), ф. 2, оп. 2574, д. 6937, л. 78.

² Летом 1931 г. СССР стал закупать уже меньше, чем это было предусмотрено договором 1927 г., и многие латвийские экспортеры из СССР стали испытывать трудности. 19 мая Сейм принял закон «О государственных гарантиях экспорта», который имел в виду главным образом экспорт в СССР. Министерству финансов было предоставлено право выдавать фирмам, экспортировавшим в СССР свою продукцию (в которой местное сырье и трудовые затраты составляли не менее 30 % от стоимости продукции), двухгодичную гарантию за вычетом 2 % в пользу государства. Сумма гарантии не должна была превышать 10 млн латов, и ее следовало признать значительной. В 1932 г. роль СССР в обороте внешней торговли Латвии была значительной — 10,06 % от импорта, 14,73 % от экспорта (О. Р. PSRS tirdznieciskie sakari ar kaimiņvalstīm // *Ekonometri*. 1933. Nr. 17. 613. lpp.).

³ Осокина З. Е. Золото для индустриализации: Торгсин. М., 2009. С. 72.

⁴ ЛГИА, ф. 2574, оп. 2, д. 6973, л. 104.

⁵ Хлевнюк О. Хозяин: Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010. С. 143. В конце 1931 г. это составляло 1,4 млрд рублей.

⁶ История социалистической экономики СССР. М., 1977. Т. 3. С. 311.

⁷ За исключением специфической, но малозначимой для латышей вещи — вывозе золота через рижский порт, чтобы свести баланс с внешними долгами, в 1929 г. в СССР были приняты многочисленные решения по увеличению золотодобычи, и с 1931 г. грузы с золотом приходили в Ригу два раза в неделю до начала 1934 г., когда они стали более редкими. Золото вывозилось главным образом в Германию, банки которой выдавали наибольшие займы, например 1931 г. был кульминационным в германо-советском экономическом сотрудничестве, в начале 30-х гг. через Ригу в Германию было вывезено в общей сложности 200 или даже 260 тонн чистого золота на сумму в 300 млн рублей (Осокина З. Е. Указ. соч. С. 77).

⁸ Например, неоплаченный долг СССР Польше за использование железной дороги на май месяц 1932 г. достиг более сотни тысяч долларов и вынудил поляков обратиться с четырьмя нотами для погашения долга (Кен О. Н., Рупасов А. И. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами. СПб., 2000. Ч. 1: 1928—1934. С. 314—315).

⁹ J. Seskis — K. Zariņam, 1932. g. 28. febr. (ЛГИА, ф. 2574, оп. 2, д. 7111, л. 47—48).

¹⁰ Хлевнюк О. Указ. соч. С. 143; Snyder T. Bloodlands: Europe between Hitler and Stalin. [S. l.], 2010. P. 42—45.

¹¹ Кен О. Н., Рупасов А. И. Указ. соч. С. 346. Характерным было отношение СССР к заключению договора с Эстонией: в январе 1931 г., когда еще не наступил большой голод (хотя в Казахстане голод наступил именно в это время и погибли 1,45 млн казахов — 38 % от их общей численности, что делало этот геноцид самым главным сталинским преступлением (*Naimark N. Stalin's genocides*. Princeton, 2010. P. 76), но уже ощущалась нехватка продовольствия. Москва предложила Таллину увеличить продажу пшеницы Эстонии, а у эстонцев закупать больше молочных продуктов и снабжать ими Ленинград (Ibid. P. 207); поставки индустриальному и идеологическому символу СССР — Ленинграду рассматривались как политический приоритет и оценивались с точки зрения стабильности. В свою очередь доведение до голода крестьян, особенно если это касалось украинских крестьян (национальный аспект), экспорт кормов был допустим любой ценой. Города жестоко страдали от последствий коллективизации. 13 июля 1932 г. генеральный консул Латвийской Республики в Ленинграде Г. Бисиниес писал: «Уже сейчас большие города, например Ленинград, переполнены безработным крестьянством, поезда и железнодорожные станции забиты беднейшим крестьянами и членами их семей, а также остатками их имущества» (ЛГ ИА, ф. 2575, оп. 1, д. 875, л. 133).

¹² Уже в 1920 г. существовало сотрудничество и обмен информацией по СССР между секретными службами Японии и Польши, сотрудничество происходило также между генеральными штабами их армий, но военного альянса не было (*The quest for stability: Problems of West European security, 1918—1957* / Ed. R. Ahmann, A. M. Burke, M. Howard. L., 1993. P. 234—235).

¹³ Хлевнюк О. Указ. соч. С. 143.

¹⁴ В 1931 г. точка зрения Стомякова начала меняться в худшую для договора сторону. Экономический аспект был таким: для Советского Союза баланс торговли с Латвией был отрицательным: импорт из Латвии был вдвое большим, чем экспорт в Латвию; именно это же предусматривал договор 1927 г., однако в тот раз ради политических интересов Москва согласилась, но теперь она чувствовала себя разочарованной. Москву начало раздражать также то, что в латвийской печати появилась критика договора по поводу того, что СССР импортирует латвийскую промышленную продукцию, а не продукты сельского хозяйства. У этой критики был националистический призыв — предприятия промышленности, которые участвовали в договоре, принадлежали в большой мере национальным меньшинствам (евреям, немцам) Латвии, тогда как сельское хозяйство было в руках латышей. Стомяков признал, что даже латышские дипломаты, с которыми у него были многочисленные и давние контакты по многим вопросам, в частных беседах признавали, что договор будет выгоден главным образом для «еврейского капитала», а не для латышских крестьян (правда, точно не известны слова конкретных латышских дипломатов; возможно, это был посол Латвии в СССР Я. Сескс либо Х. Албатс, с которыми в январе 1932 г. целый месяц в Риге Стомяков вел переговоры по договору о ненападении). Однако экономическая сторона не была главной причиной неудовлетворенности Стомякова — то была политика. После падения левого правительства в январе 1928 г. Москва надеялась на возвращение социал-демократов во власть, но этого не происходило, и теперь, накануне новых выборов в Сейм в 1931 г., Стомяков выработал следующий план: нужна была ставка на так называемых правых социал-демократов в рамках ЛСДРП (наверное, это были Ф. Циеленс, В. Бастьянис и др.), у которых могло появиться «послевкусие от власти» (у Циеленса такое действительно могло быть), но не «левых» — Мендерса, Бушевица, Лоренца (именно они были главными авторами договора 1927 г.), потому что они стали «изнеженными» и «немошными». Для того чтобы помочь «правым» прийти к власти, летом 1931 г. дипломатическое и торговое представительства СССР в Риге получили распоряжение четко выполнять условия договора и разместить заказы в Латвии, но одновременно с этим Стомяков 10 июля информировал советского полпреда в Риге А. Свидаевского о «дополнительном плане»: 10 или 15 сентября подать правительству Латвии (в тот момент во главе с Ульманисом) ноту с обвинениями в антисоветской кампании и разрывании критики договора, фактически денонсировать его и начать переговоры о заключении нового договора. Этой нотой, по представлению Стомякова, следовало помочь «добропорядочным соседским отношениям со сторонниками СССР» (очевидно, это были социал-демократы, особенно «правые»), развернуть критику правительства, которое в условиях предвыборной кампании, принимая во внимание экономический кризис, пилит «...дуб, который своими плодами кормил и кормит все народное хозяйство Латвии». План Стомякова был представлен на обсуждение заседания политбюро ЦК ВКП (б) 10 сен-

тября 1931 г., но в тот момент главная персона — Сталин находился на ежегодном длительном отдыхе на юге, в Москве не было также двух ответственных наркомов — внешней торговли (А. П. Розенгольца) и иностранных дел (М. М. Литвинова), и вопрос был отложен — фактически он был временно снят с повестки дня. В свою очередь на новом заседании, 10 октября, когда обсуждался вопрос «о Латвии», было решено: «Договор не денонсировать». Причина скорее всего опять была политической: не затруднять достижение главной цели Москвы — договора с Латвией о ненападении (Кен О. Н., Рупасов А. И. Указ. соч. С. 257—258, 273—274).

¹⁵ Удельный вес прибалтийских государств во внешней торговле СССР действительно был очень невелик: за первые восемь месяцев 1932 г. из общего экспорта СССР экспорт в Эстонию составлял 2,01 %, Литву — 0,88 %, Латвию — 2,47 %; из общего импорта: из Эстонии — практически 0 % (только 24 тыс. рублей), из Литвы — 0,18 %, из Латвии — 1,01 % (O. SPRS ārējā tirdzniecība // Ekonomists. 1933. Nr. 24. 905. lpp).

¹⁶ Кен О. Н., Рупасов А. И. Указ. соч. С. 308—310. Формально денонсировать договор мог только «парламент» СССР: 29 апреля, выполняя решение политбюро, Президиум Центрального Исполнительного Комитета СССР (ЦИК) поручил Наркомату иностранных дел «расторгнуть» договор (Документы внешней политики СССР. М., 1969. Т. 15. С. 577).

¹⁷ J. Seskis — K. Zariņam, 1932. g. 25. febr.; 23. apr. (ЛГИА, ф. 2574, оп. 2, д. 7111, л. 24, 46).

¹⁸ Latvijas Komunistiskās partijas kongresu, konferenču un CK plēnumu rezolūcijas un lēmumi. R., 1958. 552. lpp.

¹⁹ Komunāru Cīņa. 1932. 5. marts.

²⁰ ЛГИА, ф. 3235, оп. 3, д. 19, л. 1.

²¹ Latvijas buržuāzija cenšas noskaņot sabiedrisko domu karam pret PSRS // Komunāru Cīņa. 1932. 10. apr. (О газете «Сегодня» см. прим. 76 на с. 225. — *Ред.*)

²² Фото с сайта: <http://www.russkije.lv/ru/lib/read/segodnya-publishers.html>

²³ ЛГИА, ф. 3017, оп. 1, д. 17, л. 5.

²⁴ «Свидерский прибыл в Латвию осенью 1929 г. В царское время он какое-то время нелегально работал в Латвии. Будучи послом, он находился в тесном контакте со Сталиным... Именно ему Свидерский посылал обзоры по ситуации в Латвии. Так мне утверждал сам Свидерский» (*Menders F. Domas, darbi un dzīve, 1903.—1940.* (LU Akadēmiskā bibliotēka, Retumu nodaļa). 1519. lp.).

²⁵ Latvijas—Krievijas tirdzniecības līguma jautājumi // Jaunākās Ziņas. 1932. 23. apr.

²⁶ Krievija uzteikusi tirdzniecības līgumu ar Latviju // Sociāldemokrāts. 1932. 5. maijs.

²⁷ Ibid. Для сравнения см. историографическую версию ЛатвССР: «... реакционные буржуазные круги [Латвии] саботировали договор и по его истечению в 1932 г. из страха перед коммунизмом его не возобновили» (*Rudevics A. Pārdomas par burž uāzisko Latviju.* R., 1971. 132. lpp.).

²⁸ Сегодня. 1932. 9 мая.

²⁹ Шкаренков Л. К. Агония белой эмиграции. М., 1981. С. 145.

³⁰ Сегодня. 1932. 5 мая. Зив Вениамин (Беньямин) Самуилович (1879—1947) — экономист. Родился в Литве, получил традиционное еврейское образование, а затем окончил гимназию в Берлине; там же в университете изучал философию, позднее — экономику и французскую литературу в Сорбонне (Париж), докторскую диссертацию по экономике защитил в Кенигсберге. Как экономист начал работать в Петербурге, в крупных банках — Азовско-Донском и Коммерческом, с 1909 г. был редактором экономического отдела крупной газеты «Речь» (издавалась партией конституционных демократов — кадетов), с 1911 г. и до российской революции 1917 г. — газеты «Биржевые ведомости», написал четыре книги по экономике. После революции уехал на Украину, а оттуда в конце 1918 г. — в Латвию, где был редактором экономического отдела крупнейшей русской газеты за пределами Советского Союза — «Сегодня», советником при Министерстве экономики Латвии, опубликовал ряд книг по экономике Латвии. В 1928 г. стал одним из основателей высшей коммерческой школы в Риге, где преподавал до 1933 г. После государственного переворота в 1934 году остался без работы и уехал в подмандатную Палестину, где активно включился в педагогическую, научную и издательскую деятельность, был одним из основателей Высшей школы экономики и права в Тель-Авиве (1934), в которой стал профессором и до конца жизни возглавлял экономический факультет, воспитав целое поколение израильских экономистов. — *Ред.*

³¹ Кен О. Н., Рупасов А. И. Указ. соч. С. 311.

³² Почему белогвардейцы-террористы и их вдохновители на свободе // Правда. 1932. 9 мая. На самом деле более всего и жестоко была оболгана Чехословакия, которая не признала СССР и предоставила политическое убежище многим русским эмигрантам — заголовки советских газет СССР говорили сами за себя: «Чехословакия — рай для горгулювых» (Правда. 1932. 12 мая); Горгулов — стипендиат чехословацкого министерства иностранных дел (Известия. 1932. 18 мая).

³³ Izlīguma līgums ar PSRS // Latvijas Kāreivis. 1932. 13. maijs.

³⁴ Текст меморандума см.: ЛГИА, ф. 2574, оп. 2, д. 7252, л. 8—11; о меморандуме см.: Сиполс В. Тайная дипломатия: Буржуазная Латвия в антисоветских планах империалистических держав, 1919—1940. Рига, 1968, С. 196; см. также: Равдин Б. К происхождению воспоминаний Э. Озолиньша о Сталине // Даугава. 2002. № 4. С. 139; см. также: Флейшман Л., Абызов Ю., Равдин Б. Русская печать в Риге: Из истории газеты «Сегодня» 1930-х годов. Stanford, 1997. Кн. 1. С. 124. Латвийская тайная полиция в связи с меморандумом СССР 13 июня представила правительству точные и объективные сведения о деятельности так называемых «белогвардейцев» в Латвии, в которых было указано, что, наиболее вероятно, только у трех членов русской организации «белых» в Латвии «Общество русской молодежи» — Н. Строева, В. Самойлова и А. Адеркаса были террористические антисоветские взгляды, и организация была закрыта 1927 г. С тех пор ни один «белый» русский не направлял свои террористические взоры в сторону СССР. То, что в среде «белогвардейцев» были агенты ОГПУ, дорого обошлось участникам монархического кружка «Русь» даугавпилсской русской школы, почти детям, Ю. Михайлову, Ф. Павлову и В. Луцкивичу, которые годом ранее, осенью 1926 г., тайно перешли в СССР, не имея никаких конкретных, не говоря уже о террористических, целей и тотчас же попали в руки ОГПУ благодаря информации даугавпилсского агента П. Миловского (ЛГИА, ф. 3235, оп. 1/22, д. 940, л. 35, 38; д. 685, л. 37; см. также: Флейшман Л. В тисках провокации: Операция «Трест» и русская зарубежная печать. М., 2003. С. 234).

³⁵ ЛГИА, ф. 2574, оп. 2, д. 7252, л. 103—104.

³⁶ «Komunāru Cīņa» однозначно указывала на главную цель Москвы — добиться закрытия газеты «Сегодня»: «...Рижская «Сегодня» открыто призывает к террору против заграничных представительств СССР... В выходящих в Латвии монархических изданиях очень часто печатаются призывы, призывающие к индивидуальному террору...» (Latvija — baltgvardu organizāciju pārēklis // Komunāru Cīņa. 1932. 18. maijs). «Сегодня» здесь изображена, во-первых, как монархическое «белогвардейское» издание, которое таковым не являлась; во-вторых, как газета, призывающая к террору на территории СССР, что было абсолютной ложью. Далее следовали обвинения одно абсурднее другого — латвийские коммунисты, как всегда, превосходили своих хозяев. 10 июня сообщалось, что «монархисты» в Латвии планируют убить Свицерского и что латвийской полиции Латвии об этом известно, но она закрывает глаза; одновременно, когда эти домыслы получили распространение, писатель Судраба Эджус, который жил в СССР, опубликовал стихотворение. В стихотворении он обещал «белогвардейским» генералам (слово «генералы» было взято им в кавычки): «Что битва будет сильной, будьте уверены, что армии уже готовятся, и вы будете уничтожены» («Komunāru Cīņa». 1932. 10. jūn.). То, что действительно следовало закрыть в соответствии с договором от 11 августа 1920 г., — это была «Komunāru Cīņa». В свою очередь в Риге 13 мая ЦК КПЛ в подполье принял резолюцию о политическом положении, в которой среди прочего было сказано: «И Латвия стала одним из важных пунктов поддержки провокационной военной белогвардейской деятельности» (Латвийский государственный архив (далее — ЛГА), ф. 240, оп. 1, д. 55, л. 40). Москва мобилизовала самых стойких латышских коммунистов, но они были самым слабым советским оружием, и на их активность многого не возлагалось.

³⁷ Сколько Советский Союз заплатил КПЛ за поддержку во время валютного кризиса, что несомненно оказало влияние на партийную кассу КПЛ, до сих пор не исследовано. Например, в некоторых посвященных этому вопросу трудах можно встретить информацию, что в 1931 г., с января по июль, КПЛ получила от Коминтерна (фактически от СССР) 30 тыс. золотых рублей. Это кажется вероятным, но можно усомниться, что в 1934 г., когда финансовое положение СССР было лучше, бюджет ЦК КПЛ составлял 100 тыс. латов в месяц, которые почти полностью состояли из денег Москвы (см.: Niedre O. Jauni materiāli par Latvijas komunistiskās partijas darbību // Latvijas Vēsture. 1998. Nr. 1. 85. lpp.). Годовой расход в этом случае был бы более миллиона латов!

- ³⁸ Задержанные признались, что примерно 50 кг агитационных материалов КПЛ в Себеже, первом приграничном городе Советской России, 3 мая им передал руководитель местного отделения Коминтерна Петров, который одновременно работал на ОГПУ (ЛГИА, ф. 3235, оп. 1/6, д. 1221, л. 8; оп. 1/22, д. 940, л. 22). В Себеже было создано 11-е пограничное отделение (отряд) ОГПУ, у которого был свой секретный оперативный отдел, который с 20-х гг. занимался шпионажем и доставкой советских агентов в Латвию (уже 24 ноября 1924 г. правительство СССР подчинило пограничную охрану Особому отделу ЧК; пограничникам-чекистам надо было вести так называемую закордонную работу — разведку и контрразведку по другую сторону границы (*Войтиков С.С. Отечественные спецслужбы и Красная армия, 1917—1921. М., 2010. С. 374—375*). Одним из организаторов шпионажа здесь был чекист, латыш Эдуард Шмит (настоящее имя Янис Полицейс; ЛГИА, ф. 3235, оп. 6, д. 45, л. 84, 114; д. 46, л. 98—116). Похожие шпионские центры находились еще в двух приграничных городах — Острове, где располагалось 10-е пограничное отделение ОГПУ, которое развернуло особенно активную деятельность против латвийского Яунлатгальского (Пыталовского) уезда, используя для этих целей также живших там русских крестьян, нередко темных и малокультурных, и в Вигосове, где располагался 12-й пограничный отряд ОГПУ, секретный оперативный отдел которого обращал свое внимание на русских в Латгалии, особенно в Даугавпилсе, набирая из них агентуру и стараясь организовать провокации: засылку «террористов» из Латвии в СССР (ЛГИА, ф. 3235, оп. 1/22, д. 685, л. 65, 87, 92, 190).
- ³⁹ Центральный комитет латвийской коммунистической партии недоволен работой своих агентов в Латвии // *Сегодня. 1932. 23 мая*; см. также: *Maisos nesusī pāri robežai komunistisku literatūru // Brīvā Zeme. 1932. 19. maijs*.
- ⁴⁰ Р. Милч жил в Харькове, на Украине, а его брат — в Латвии. Посредством угроз ОГПУ его завербовало и направило на краткосрочные подготовительные шпионские курсы в специальную школу в Смоленске, а оттуда — в Себеж, в распоряжение уже упомянутого Шмита, который приказал ему перейти границу (ЛГИА, ф. 2674, оп. 2, д. 7070, л. 2).
- ⁴¹ Там же, ф. 3235, оп. 3. д. 19, л. 3.
- ⁴² Там же, ф. 3017, оп. 2, д. 60, л. 107.
- ⁴³ *Vaj tas taisnība? // Sociāldemokrāts. 1932. 21. maijs*.
- ⁴⁴ *Rokas nost no Latvijas tautsaimniecības // Latviešu Balss. 1932. 15. maijs*.
- ⁴⁵ Как много в Латвии было русских эмигрантов, трудно определить, к тому же их число менялось из года в год. Латвийская полиция безопасности считала, что в конце 1920 г. их было 33 154 и они были объединены примерно в 20 организаций; в октябре 1929 г. полиция подготовила обзор и насчитала только 18 858 человек, имевших так называемый нансеновский паспорт, который был введен в 1922 г. и предназначался для беженцев не только из Советской России, в то же время обладателями этого паспорта были именно эмигранты из России. Газета Скуниенекса "*Latviešu Balss*" в январе 1933 г. писала, что в Латвии имеется только 7635 обладателей нансеновского паспорта (Скуниекс был профессиональным статистиком, поэтому этой информации можно доверять) (ЛГИА, ф. 3235, оп. 1/22, д. 687/1, л. 5, 53; *Ārzemnieki Latvijā // Latviešu Balss. 1933. 8. janv.*). О наиболее крупных русских организациях в Латвии см.: *Krēslīņš U. Krievu emigrācija un monarhistu kustība Latvijā: 20. gs. 20. gadi un 30. gadu sākums // LVIŽ. 2004. Nr. 2, 70.—98. lpp.*
- ⁴⁶ В последующие месяцы, особенно в июле, нападки на газету «Сегодня» стали особенно отвратительными, в гротескных формах, и можно было подумать, что "*Latviešu Balss*" действует лишь под московским влиянием. Антисемитизм Скуниенекса был давним, постоянным и стабильным (подробнее см.: *Stranga A. Ebreji Latvijā: No ienākšanas pirmsākumiem līdz holokaustam, 14. gs.—1945. g. R., 2008. 457.—458. lpp.*), независимо от того, что СССР требовал закрытия газеты «Сегодня». Например, евреи, газета «Сегодня» и лично д-р В. Зив обвинялись в том, что способствовали росту дороговизны жизни в Латвии, на что Скуниекс предложил ответить жесткими мерами и назначением «комиссара по ценам» (*Nekavējoši jānoskaidro skandalozie apgalvojumi minoritāšu presē // Latviešu Balss. 1932. 17. jūl.*). Такие обвинения не могли делаться под влиянием Москвы, поскольку ухудшение условий жизни в Латвии ее не интересовали, но по отношению к Советскому Союзу газета представлялась, как монархическое издание, и применительно к ней лозунгом газеты "*Latviešu Balss*" было: «Подлость надо искоренить!» (*Latviešu Balss. 1932. 24. jūl.*).

- ⁴⁷ Min. prezidenta laikraksts asi nosoda krievu emigrantus // *Pēdējā Brīdī*. 1932. 15. maijs.
- ⁴⁸ Vai Rīgā Francijas prezidenta Dumera slepkavam dr. Gorgulovam savs “preses pārstāvis” // *Ibid*. 22. maijs.
- ⁴⁹ Рабочие Латвии против антисоветской интервенции // *Известия*. 1932. 2 июня.
- ⁵⁰ ЛГИА, ф. 2574, оп. 2, д. 7252, л. 104.
- ⁵¹ SPRS preču tranzīts samazinājas // *Latvijas Kareivis*. 1932. 15. maijs.
- ⁵² Latvijas Ārlietu Dienesta Darbinieki, 1918—1991: Biogr. vārdnīca / Sast. Ē. Jēkabsons, V. Ščerbinšis. R., 2003. 272. lpp.
- ⁵³ Latvijas Kareivis. 1932. 13. jūl. Уже в Риге Сескис составил обзор последних месяцев своей службы в СССР, в котором были корректные, но ясные намеки на то, что решение отозвать его было ошибочным: во-первых, он отмечал, что «неожиданный отзыв, казалось, привлек особое внимание»; особенно подчеркивалось, как высоко его ценили в Москве: «Превосходные проводы устроил заместитель наркома иностранных дел Н. Крестинский... С бокалом шампанского в руках Крестинский поблагодарил за сотрудничество и установление хороших отношений...» (ЛГИА, ф. 2574, оп. 2, д. 7111, л. 2—3).
- ⁵⁴ *Кен О. Н., Рупасов А. И.* Указ. соч. С. 161—162.
- ⁵⁵ Даже председатель ЛСДРП, бывший одновременно руководителем парламентской комиссии по иностранным делам, высокообразованный Мендерс, который обычно был очень критично настроенным, оценивая латвийских дипломатов (за исключением Мейеровица), характеризовал Озолса как значительного посла с глубоким пониманием внешней политики. В глазах Мендерса еще только два дипломата заслужили такую оценку. Это были М. Валтерс («...среди наших дипломатов он был с западным мышлением...») и В. Мунтерс («...в министерской рутине он был выше, чем на голову, по своему пониманию, интеллигентности и разумению, чем его коллеги», одновременно добавляя: «Он находится под сильным влиянием диктаторского Ульманиса, хотя был умнее и интеллигентнее своего хозяина») (*Menders F. Domas, darbi un dzīve*, 1903.—1940. 1511., 1517., 3816. lpp.).
- ⁵⁶ Провокационные обвинения его ОГПУ в использовании дипломатических прав в личных целях (*Озолс К. В.* Мемуары посланника. Париж, 1938. С. 234—250) с удовольствием подхватила латвийская пресса Латвии, и он был вынужден просить освободить его от занимаемой должности (советскую версию СССР см.: *Sopols V. Slepēnā diplomātiņa: Buržuāziskās Latvijas ārpolitika*, 1919—1932. R., 1965. 196. lpp.).
- Хотя Озолс был известным коллекционером старинных и ценных покрывал, покупал их в Москве и для вывоза их в Латвию использовал дипломатический багаж, это не было чем-то необычным, поскольку этим пользовались многие, а законы СССР допускали осмотр дипломатического багажа только в «особых случаях», как «чрезвычайные шаги» (см.: *Самой Э.* Руководство по дипломатической практике. М., 1947. С. 226). Ничего «чрезвычайного» Озолс не совершал, однако он вызвал неудовольствие СССР, и для его отзыва была устроена провокация: багаж его жены в марте 1929 г. был задержан и вскрыт, а на Ригу было оказано давление, чтобы Озолс был отозван, чего Москва в конце концов и добилась. Более того, было решено полностью покончить с Озолсом как дипломатом и не допустить его назначения послом в Каунас (*Кен О. Н., Рупасов А. И.* Указ. соч. С. 143). Видимо, благодаря проискам Москвы это удалось, и больше никаких дипломатических должностей он не занимал, а в ноябре 1934 г. даже был исключен из списка резерва министерства иностранных дел (*Latvijas ārlietu dienesta darbinieki*. 231. lpp.). Москва натравливала на Озолса всех, кто был ей доступен, включая полностью контролируемых и купленных ею деятелей Сейма — депутатов фракции крестьян, которые 14 мая 1929 г. подали запрос правительству: «Какую позицию правительство заняло в вопросе багажа бывшего посла в Москве Озолса?» (*Latvijas Republikas III Saeimas stenogramas: III sesija*, 1929. g. 768. lpp.). Вопрос оказался бы подвешенным в воздухе, если бы не желание в угоду Москве освободить Озолса от службы в Министерстве иностранных дел.
- ⁵⁷ *Treijs R.* Ar Latviju — no pirmā vārda līdz pēdējam [diplomāts Jānis Seskis] // *Latvijas Vēstnesis*. 2001. 26. janv.
- ⁵⁸ *Кен О. Н., Рупасов А. И.* Указ. соч. С. 286.
- ⁵⁹ *Latvijas ārlietu dienesta darbinieki*. 65. lpp.

- ⁶⁰ Подробнее см.: *Stranga A. Brīvmūrnieki un "Jāņuguns loža" Rīgā* // *Latvijas Vēsture*. 1991. Nr. 3, 72.—73. lpp. Запись в дневнике В. Мунтерса от 1 декабря 1933 г.: «Жена Сескиса говорит, что я "съел" Билманиса ради Сескиса и того мальчика, под чью дудку они сейчас пляшут, они еще заплатят (ЛГТА, ф. 2630, оп. 1, д. 5, л. 72). Депутат от Латышского крестьянского союза Леиныйш 19 января 1934 г., после встречи с Сескисом, в своем дипломатическом дневнике написал: «Сескис высказался, что его настоящими противниками являются масон В. Мунтерс и д-р А. Билманис» (*Lejiņš J. Mana dzimtene: Atmiņu un pārdomu atspulgos*. Vesterosa, 1971. 88. lpp.).
- ⁶¹ Все важные международные политические и хозяйственные вопросы Зариныйш прежде всего обсуждал на заседании комиссии Сейма по иностранным делам (*Andersons E. Latvijas vēsture, 1920—1940: Ārpolitika*. Stokholma, 1982. 1. sēj. 50. lpp.). Представляется все же, что не прежде всего и не все.
- ⁶² *Vakar parakstīja Latvijas — SPRS konvenciju par izlīgšanas kārtību* // *Latvijas Kareivis*. 1932. 19. jūn.
- ⁶³ *Saeima, slēdzot sesiju, izteica valdībai uzticību* // *Latvijas Kareivis*. 1932. 22. jūn.
- ⁶⁴ ЛГИА, ф. 74, оп. 2, д. 7252, л. 23—24, 63. Москва руководила работой КПЛ также в самой Латвии и ее главными направлениями деятельности: стратегия и тактика определялась в Советском Союзе; например, в июле 1932 г. латышские коммунисты поставили следующие задачи комсомольцам Цесисского уезда: «Следует учредить военные тройки... найти связи в армии, расположенной в Цесисе. Устраивать чаепития для новобранцев, организовывать группы рекрутов» (ЛГИА, ф. 3235, оп. 6, д. 41, л. 104). Здесь, как мы видим, речь шла о развертывании подрывной деятельности в армии.
- ⁶⁵ Из Минска на Латвию ежедневно в 22.00 по латвийскому времени на латышском языке транслировалась передача «Социалистические темпы», которую можно было слышать и в Риге (эту передачу не следует путать с радиопередачами на латышском языке, которые минское радио транслировало с 25 сентября 1931 г. и которые предназначались для латышей в Советской Белоруссии. Те передавались только 12 раз в месяц, не предназначались для Латвии и в ней не принимались (*Krišovojs D. Latvieši Baltkrievijā starpkaru periodā* // *Latvijas Arhīvi*. 2007. Nr. 2. 127. lpp.). Например, 28 апреля в радиопередаче сообщалось, что в латышских тюрьмах «задыхаются» 60 000 (!) рабочих и «братьям по классу» в Советском Союзе следует им помочь; 12 мая законное правительство Латвии, с которым СССР поддерживал дипломатические отношения, было названо «...палачами, которые каждый день делают жизнь рабочих невыносимой». В латвийской прессе обоснованно отмечалось: «Если Советская Россия действительно хочет приостановить нелояльность к нам, то у нее остается лишь один путь — прекратить враждебную и лживую радиопропаганду против Латвии» (*Vai tā ir lojalitāte* // *Latvijas Kareivis*. 1932. 2. jūn.; ЛГИА, ф. 3235, оп. 1/6, д. 1221, л. 45, л. 57). В начале августа после латвийских протестов Москва прекратила работу минского радиопередатчика против Латвии, как представляется, в дальнейшем использовала его как радиопередатчик только для местных жителей-латышей лишь на небольшом расстоянии — например тех, которые использовались в Москве, Ленинграде, Смоленске, Харькове (*Viksnā Dz. Latviešu kultūras un izglītības iestādes Padomju Savienībā 20.—30. gados*. R., 1972. 188. lpp.). Латвия была не единственным государством, подвергшимся грубой радиопропаганде: например, 9 декабря 1933 г. финское посольство в Москве не первый раз выразило протест по поводу аналогичных радиопередач на финском языке из Ленинграда, но 15 января 1934 года получило ответ, «что ленинградская радиостанция подобные передачи не ведет» (Документы внешней политики СССР. М., 1970. Т. 16. С. 728, 874).
- ⁶⁶ *Sociāldemokrātu pārmetumi nevietā* // *Brīvā Zeme*. 1932. 28. jūl.
- ⁶⁷ Показательным был пример с сахаром, поставлявшимся Советским Союзом к тому же по завышенным ценам, который по определенным политическим мотивам почти полностью вытеснил польский и чехословацкий сахар; при этом буквально произошел рост импорта из СССР нефти, бензина и соли.
- ⁶⁸ ЛГИА, ф. 2574, оп. 2, д. 6937, л. 83—124.
- ⁶⁹ 16 февраля 1933 г. посольство Латвии в СССР представило свой обзор хода выполнения договора, который в общем совпадал с отчетом Министерства финансов, например указывалось, что

СССР в 1932 г. закупал у Латвии только 11 групп товаров (в стоимостном выражении импорт из Латвии в 1932 г. по сравнению с 1931 г. упал почти в 8 раз) против 27 групп, которые были предусмотрены в 1927 г., а из СССР ввозилось в Латвию 59 групп товаров, и экспорт в Латвию превзошел импорт почти на 4 млн золотых рублей (ЛГИА, ф. 2574, оп. 2, д. 7222, л. 200—202).

⁷⁰ Полный состав латвийской делегации Латвии был утвержден на заседании Кабинета министров 30 августа; не считая Петревича, на нем присутствовало еще трое чиновников: главный директор железной дороги К. Блэдниекс, от Министерства иностранных дел — В. Мунстерс, директор Банка Латвии Э. Озолиньш (Valdības lēmumi // Latvijas Kareivis. 1932. 31. aug.).

⁷¹ Кен О. Н., Рупасов А. И. Указ. соч. С. 357.

⁷² Там же. С. 338.

⁷³ ЛГИА, ф. 2574, оп. 2, д. 7252, л. 148—149.

⁷⁴ Там же, ф. 3235, оп. 1/22, д. 940, л. 38. О так называемых «белых» русских см.: там же, оп. 1/22, д. 685, 687, 687/2; оп. 1/1, д. 411; оп. 1/22, д. 741; оп. 2, д. 44, 78; подробнее см.: *Stranga A. Krievu labējās monarhistiskās organizācijas Latvijā* // Latvijas Jaunatne. 1991. 31. aug. — 5. sept.

⁷⁵ ЛГИА, ф. 2574, оп. 2, д. 7252, л. 150.

⁷⁶ Там же, д. 7222, л. 336.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Там же, л. 144.

⁷⁹ Там же, л. 111.

⁸⁰ Кен О. Н., Рупасов А. И. Указ. соч. С. 344.

⁸¹ ЛГИА, ф. 2575, оп. 8, д. 75-а, л. 26—27.

⁸² Похожим было отношение СССР к переговорам с Польшей о заключении договора о ненападении: в качестве предварительного условия заключения договора Москва попросила закрыть русскую антибольшевистскую газету «Молва» и выдворить из Польши ее редактора Д. Филосова. Хотя давление Москвы было сильным, Варшава не поддалась (см.: *From the others shores: Russian writers abroad: Past and present*. Toronto, 2003. Vol. 3. P. 77), и СССР подписал договор.

⁸³ Радовин Б. К происхождения воспоминаний... С. 139. «Братство» хотя бы формально признавало независимость прибалтийских государств и заявляло, что его целью является «борьба с III Интернационалом у себя на родине — в России (ЛГИА, ф. 3235, оп. 1/22, д. 687/1s, л. 143; о Ливене см.: *Latvijas Brovobas cotas, 1918—1920: Encikl. R.*, 1999. 371.—372. lpp.; *Jēkabsons Ē. Latvieši krievu pretlielnieciskajā kustībā* // LVIŽ. 1997. Nr. 1. 104.—106. lpp.; *Čapenko A. Firsta Līvena Liepājas brīvprātīgo strēlnieku vienības izveidošanās un ciņas Latvijas teritorijā 1919. gadā* // *Latvijas Kara muzeja gada grāmata*. R., 2003. 4. [laid.] 95.—111. lpp.). Ливен возвратился в Латвию из Парижа в конце октября 1921 года, где он жил после разгрома армии Юденича осенью 1919 года и где ему принадлежало таксомоторное предприятие, на котором он предоставил работу своим бывшим товарищам по борьбе, в эмиграции терпевшим лишения, и даже дворяне зарабатывали на жизнь шоферами. Он стал главным антикоммунистическим и монархистским русским лидером в Латвии. На самом деле спустя непродолжительное время он покинул Латвию. В марте 1922 года латвийская политическая полиция посоветовала министру внутренних дел выдворить Ливена из Латвии за «монархическую деятельность» — практически не разрешить ему вернуться из Берлина, куда он в то время уехал (ЛГИА, ф. 3235, оп. 6, д. 16, л. 104). В действительности Ливен долгие годы жил за границей, был близок Врангелю, но в конце концов ему было разрешено вернуться в Латвию (это произошло в 1925 г.), и во второй половине 20-х — начале 30-х гг. он был лояльным гражданином Латвии.

⁸⁴ *Andrew Ch., Mitrohin V. The KGB in Europe and the West: The Mitrokhin Archive*. L., 2000. P. 54.

⁸⁵ В многочисленных случаях латвийские пограничники находили у лиц, отправлявшихся на советскую сторону, монархические листовки-воззвания (*Slepeni gājēji uz pad. Krieviju ar monarhistu proklamācijām* // *Jaunākās Ziņas*. 1932. 15. janv.).

⁸⁶ Количество пловов из СССР в действительности было очень велико, например в начале июля 1932 г. их было 323 (*Rīgā pienāk vienīgi SPRS plosti* // *Latvijas Kareivis*. 1932. 10. jūl.). Тем не менее в 1932 г. количество пловов драматически снизилось: по латвийским подсчетам, «...в этот сезон навигации пришли только 400 пловов из СССР по сравнению с 3000—4000 в предыдущие годы» (*SPRS plostu transportu izbeidzies* // *Sociāldemokrāts*. 1932. 23. aug.). Это был либо результат экономического кризиса, либо один из видов экономического шантажа против Латвии.

- ⁸⁷ Соловьев М. С. Доставка и распространение в Советской России агитационных материалов русских правых организаций в Прибалтике и Финляндии (1920 год — начало 30-х годов XX век) // Две России — одна культура: Сб. науч. трв. СПб., 2006. С. 155—162.
- ⁸⁸ Базанов П. Н. Братство русской правды глазами ИНО ГПУ // Клио: Журнал для ученых. 2008. № 2 (41). С. 24—25 (ссылка 12).
- ⁸⁹ ЛГИА, ф. 3235, оп. 1/1, д. 411, л. 2—29.
- ⁹⁰ Там же, л. 20.
- ⁹¹ У Нольде нашли много неопровержимых доказательств о его сотрудничестве с посольством СССР в Риге, например черновики его донесений, машинописные копии. Он регулярно информировал о каждой своей встрече или разговоре с Ливеном, Столыгво, Вреде, Перовым и др., о «Нашей газете», о своих поездках в Резекне и т. п. В одном сообщении в марте 1932 г. он писал, что Ливен не организовывал никаких поездок «белогвардейцев» на Дальний Восток (ЛГИА, ф. 3235, оп. 6, д. 214, л. 2—24).
- ⁹² Там же, ф. 3235, оп. 1/1, д. 411, л. 25—29.
- ⁹³ 10 октября Скуиениекс сообщил, что практически вопросы о торговле не начали обсуждаться: «Русские отговорились, что у них пока нет определенного решения» (*Kā norit sarunas par tirdzniecības līgumu ar Krieviju* // *Jaunākās Ziņas*. 1932. 11. okt.). 13 октября Заринш также отметил, что «кардинальное решение вопроса пока не началось...», и семь экспертов латвийской делегации 14 октября покинули Москву (некоторые еще остались), поскольку им не были поручены переговоры, связанные с торговлей (*Latvijas Kareivis*. 1932. 13., 14. okt.); «Коммунистическая пресса [СССР] требует, чтобы Латвия прежде всего продемонстрировала, что идет навстречу России в политических вопросах (*Eksperti atgriežas no Maskavas* // *Jaunākās Ziņas*. 1932. 15. okt.).
- ⁹⁴ ЛГИА, ф. 630, оп. 1, д. 4. л. 27.
- ⁹⁵ *Kratīšanas un aresti monarhistu un fašistu aprindās* // *Jaunākās Ziņas*. 1932. 28. sept. В газете царил довольно большой национализм, но, возможно, и желание ударить по своему большому конкуренту — газете «Сегодня», которая теперь в глазах Москвы была гнездом монархистов, как и у «*Jaunākās Ziņas*», у которой была ясно выраженная склонность к сенсациям (для поддержки тиража), например, информируя о задержке четверых никому неизвестных и незначительных «монархистах» в Лиепае 23 октября, газета представила это как разгром «штаба царских монархистов»! (*Jaunākās Ziņas*. 1932. 24. okt.); политическая полиция, в свою очередь, констатировала, что в Лиепае проживает только один сколько-нибудь известный монархист, который выдает за себя представителя великого князя Кирилла Владимировича и который практически не ведет никакой деятельности (ЛГИА, ф. 3235, оп. 1/22, д. 940, л. 9). Было видно, что политическая полиция хорошо знает об истинном положении вещей и обыски с арестами совершались лишь для того, чтобы удовлетворить Москву или хотя бы показать, что Латвия преследует «монархистов».
- ⁹⁶ *Latvijas Kareivis*. 1932. 30. sept. Отношение этой газеты было умеренным и наиболее объективным.
- ⁹⁷ Фото с сайта: <http://www.russkije.lv/media/original/g/ganfman.jpg>
- ⁹⁸ В латвийской делегации техническим экспертом работал также депутат Сейма Д. Ханс, который был одним из подписантов договора 1927 г. Возвратившись в Ригу, он рассказал Леиньшу, что у Москвы «...были только политические требования, например закрыть газету “Сегодня”» (*Lejiņš J.* Op. cit. 79. lpp.).
- ⁹⁹ Флейшман Л. От Пушкина к Пастернаку: Избранные работы по поэтике и истории русской литературы. М., 2006. С. 112. Ганфман Максим Ипполитович (1872, Таурожен Ковенской губ. — 1934, Рига), журналист, юрист, общественный деятель. Получил традиционное еврейское религиозное образование. Окончил гимназию в Шавлях. В 1891 г. поступил на юридический факультет Петербургского университета, вскоре был арестован за участие в группе «Освобождение труда», находился в тюремном заключении в Петербурге, Вильне и Ковне. Возобновил учебу в 1895 г. в Казанском университете. Там же впервые выступил как журналист в газете «Волжский вестник», в редакции которой начал работать с 1898 г. Сотрудничал также в «Камско-волжском крае». По окончании университета работал адвокатом в Петербурге, сотрудничал в журнале «Право».

В частности, в 1900 г. на страницах этого журнала доказывал правовую необоснованность запрещения письменности латинским алфавитом в Северо-Западном крае (в том числе латгальской) после Польского восстания 1860-х гг. При рассмотрении вопроса в Сенате сенаторы согласились с аргументацией Ганфмана и признали незаконной практику, сохранявшуюся в течение сорока лет. Как адвокат участвовал в процессе по делу о еврейском погроме в Гомеле (1904). Ганфман вел обзоры административного права в «Вестнике права», сотрудничал в журнале «Вестник Европы», работал помощником редактора, руководителем политического отдела газеты «Сын Отечества». В конце 1905 г. вместе с видными деятелями кадетской партии П. Н. Милоковым и И. В. Гессеном редактировал газету «Народная Свобода» (позднее «Свободный Народ»), принимал активное участие в создании газеты «Речь», сыгравшей исключительную роль в истории предреволюционной русской журналистики, и проработал в ней до закрытия газеты большевиками 8 августа 1918 г. Редактор еженедельника «Неделя “Современного Слова”» (1911—1917), издатель журнала «Современная иллюстрация» (1913—1917) и газеты «Современное слово» (1912—1917). 1 декабря 1918 г. уехал из Петрограда в Киев, где редактировал газету «Утро», в августе 1919 г. — «Объединение». В ноябре 1919 г. переехал в Одессу, где до начала 1920 г. сотрудничал в газете «Южное Слово». В декабре 1921 г. покинул Советскую Россию и принял литовское подданство. В Ригу прибыл в конце 1921 г. и с начала 1922 г. начал работать в газете «Сегодня». При его участии газета стала одним из самых популярных и влиятельных изданий русского зарубежья. — *Ред.*

¹⁰⁰ Историк Л. Дрибинс обоснованно заметил, что Ганфман сам регулярно представлял в газету обзоры по развитию СССР: в 1930 году он опубликовал 33 проблемных статьи, в 1931 — 12, в 1932 — 11, в 1933 — 44 статьи. Главными темами были: о превращениях коммунистической диктатуры, о личной диктатуре Сталина — о «сталинском рабстве»; о том, как СССР становится главной угрозой в Европе; об уроне, нанесенном коллективизацией; о первом пятилетнем плане как авантюристическом эксперименте и многих других неприятных для Москвы вещах (*Дрибинс Л., Жвинкис А., Странга А. и др.* Евреи Латвии и советская власть, 1928—1953: Науч. очерк. Рига, 2010. С. 15—16).

¹⁰¹ ЛГИА, ф. 2574, оп. 2, д. 7252, л. 143.

¹⁰² Там же, л. 130.

¹⁰³ Там же, л. 178.

¹⁰⁴ К. Дыдоров был одним из первых, кто уже 15 ноября 1918 г. стал формировать русский Рижский отряд охраны Балтийского края, который предназначался для борьбы с наступавшей армией коммунистической России. В отряде Дыдорова служило много латышей, возможно, примерно 25 %, а также немцы и поляки; примерно 65 % составляли русские. Под командованием полковника О. Калпакса отряд участвовал в бою у Скрунды 19 января 1919 г., с которого началась Освободительная борьба Латвии от коммунистов. Характеризуя отношения с латышскими формированиями, Дыдоров писал в 1927 году: «Русской роте удалось установить хорошие отношения с немцами и очень хорошие с латышами — чувствовалось хорошее взаимопонимание... русские командиры объявили своей целью борьбу с коммунистами, без вмешательства в строительство латвийского государства» (*Дыдоров К.* Формирование русского отряда // Слово. 1927. 24 мая). 8 марта 1919 г. рота Дыдорова была включена в более крупный отряд князя Ливена (см.: *Чапенко А.* Указ. соч. С. 103).

¹⁰⁵ ЛГИА, ф. 3235, оп. 1/1, д. 411, л. 27.

¹⁰⁶ Там же, ф. 2574, оп. 2, д. 7252, л. 170.

¹⁰⁷ Несмотря на то, что «*Pedējā Briedī*» упорно боролась с «гнездами монархистов», Ливен все же не отказал ей в интервью, которое состоялось в Межотне, в сельском доме князя. С чувством собственного достоинства он признал, что был и является идейным монархистом, но в то же время считает, что никогда ничего не делал против Латвии. «Я вообще думаю, что в борьбе против большевизма нет ничего плохого и это не может вредить Латвии. Я тоже борюсь с большевизмом. Стою во многих антикоммунистических организациях, но все их центры находятся за пределами Латвии... Меня никто не может упрекнуть в неloyальности к Латвии, поскольку никогда и ни в каких политических аферах я не принимал участия — ни в свое время в лиепайском путче, ни под Цесисом, ни в Вентспилсе... (возможно, имелся в виду террор ландсвера и «железной дивизии»

- в начале 1919 г., в ходе которого были убиты примерно 150 человек. — А. С.)» (Vaj kņazs Līvens vada Latvijā monarhistisko kustību? // *Pēdējā Brīdī*. 1932. 17. nov.; Ciemos pie kņaza Līvena un viņa kundzes // *Ibid*. 18. nov.). О борьбе отряда князя Ливена против вооруженных сил коммунистической Латвии (России) в 1919 году см. в его объективных воспоминаниях: *Ливен А. П.* Восьмая годовщина освобождения Риги // Слово. 1927. 24 мая.
- ¹⁰⁸ Чапенко А. Указ. соч. С. 105—108.
- ¹⁰⁹ ЛГИА, ф. 3235, оп. 1/2, д. 896, л. 276.
- ¹¹⁰ Monarhistu kustība Latvijā pilnīgi noskaidrota // *Brīvā Zeme*. 1932. 20. okt.
- ¹¹¹ Plaši komunistu aresti Rīgā un provincē // *Brīvā Zeme*. 1932. 27. okt.
- ¹¹² ЛГИА, ф. 2574, оп. 2, д. 7252, л. 171.
- ¹¹³ Флейшман Л., Абызов Ю., Равдин Б. Указ. соч. С. 126.
- ¹¹⁴ Ārlietu ministrs uz Ženēvu nebrauks // *Jaunākās Ziņas*. 1932. 4. okt.
- ¹¹⁵ ЛГИА, ф. 2574, оп. 2, д. 7252, л. 170.
- ¹¹⁶ Там же, ф. 2630, оп. 1, д. 4, л. 61.
- ¹¹⁷ Mūsu delegācijas priekšsēdētājs A. Petrevics atgriežas Rīgā // *Jaunākās Ziņa*. 1932. 25. okt.
- ¹¹⁸ *Andersons E.* Op. cit. 112. lpp.
- ¹¹⁹ *Dejs D.* Tā tas bija, 1921—1940: Rīgā stacionēta amerikāņu aviāznieka atmiņas un atziņas. [S. I.], 1989. 62. lpp. «Самым злостным сочинителем антисоветских выдумок был американский корреспондент Доналд Дей» (*Ситолс В.* Тайная дипломатия. С. 198).
- ¹²⁰ Флейшман Л., Абызов Ю., Равдин Б. Указ. соч. С. 129.
- ¹²¹ Скиннер был аккредитован 28 января 1932 г., и уже 18 апреля исполняющий обязанности заведующего западным отделом Министерства иностранных дел А. Крузбергс характеризовал его не как человека, испытывающего симпатию к новым государствам, в том числе к Латвии (ЛГИА, ф. 2575, оп. 8, д. 75, л. 113); таковым он не стал и во время дела Дея и газеты «Сегодня», но в то же время, защищая граждан США, приветствовал свободу печати и выступал в защиту деятельности всех других иностранных корреспондентов в Латвии.
- ¹²² ЛГИА, ф. 2630, оп. 1, д. 4, л. 42. Следует добавить, что владельцами газеты «Сегодня» не были ни русские эмигранты, ни Ливен и другие «белогвардейцы», ни Д. Дей; «Сегодня» уже со дня своего выхода в конце 1919 года считала себя не эмигрантской, а лояльной Латвии местной газетой национального меньшинства. В 1921 г. ее совладелец Я. Брамс писал в одном из изданий, что газете ни в коей мере не свойственны эмигрантские настроения и интересы, «Сегодня» не интересуется эмигрантскими съездами или остатками армии Врангеля; на этом месте газета является «местным латвийцем, который на своих страницах отражает все государственные радости и беды, но в момент опасности не в худшей мере, чем другие, защищает общие интересы» (цит. по: Флейшман Л. От Пушкина к Пастернаку. С. 114. (Брамс Яков Иосифович (1898—1981) — журналист, издатель. Родился в Либаве Курляндской губернии (ныне Лиепая), учился в Петербургском психоневрологическом институте, в 1917 г. — в Михайловском артиллерийском училище. После Октябрьского переворота вернулся в Латвию. В августе—сентябре 1919 г. редактировал газету «Народ». Газета была закрыта на 16-м номере. В 1920 г. издатель газеты «Рижский день» (вышло пять номеров). Основатель и издатель (вместе с Б. Поляком) рижской газеты «Сегодня». В 1939 г. эмигрировал в США, владел шведским рестораном («*Olmstead Restaurant*») в Вашингтоне (с 1941 г.). — *Ред.*)
- ¹²³ *Ситолс В.* Тайная дипломатия. С. 197.
- ¹²⁴ Флейшман Л., Абызов Ю., Равдин Б. Указ. соч. С. 130.
- ¹²⁵ *Базанов П. Н.* Указ. соч. С. 17; *Кен О. Н., Рутасов А. И.* Указ. соч. С. 347.
- ¹²⁶ Kā strādā krievu monarhisti Latvijā // *Sociāldemokrāts*. 1932. 2. nov.
- ¹²⁷ Krievu monarhistu pārēkļi // *Pēdējā Brīdī*. 1932. 10. nov.
- ¹²⁸ «Старообрядец Каллистратов считал себя приверженцем Ливена, ему нравилось держать пустые, но громкие речи. В мае 1934 г. (после государственного переворота. — А. С.) его задержали и какое-то время содержали в заключении», — писал К. Ульманис в ноябре 1940 г. (*Kārļa Ulmaņa trimdas piezīmes* / I. Roņa publ., A. Žvinkļa koment. // *LVIŽ*. 1994. Nr. 1. 155. lpp.). В свою оче-

редь ЦК КПЛ в июле 1932 г. назвал Каллистратова левым демагогом, который фактически все-таки «...организовал силы для фашистского движения в Латгалии» (ЛГИА, ф. 3235, оп. 6, д. 41, л. 237). Эта оценка свидетельствовала, что каким бы он ни был в действительности, Москва и руководимая ею КПЛ рассматривали его как врага.

¹²⁹ А. П. Ливен умер 3 апреля 1937 г. Последние почести ему отдало все командование латвийской армии начиная с Я. Балодиса и К. Беркиса. «Умерший князь Анатолий Ливен был одним из тех российских офицеров, кто после образования нашего государства своим трудом и действием оставил на нашей земле добрую память о себе. После образования нашего государства он стал во главе добровольческого русского военного формирования, которое плечом к плечу с нашей первой национальной армией сражалось против общего врага. В этой борьбе наши первые бойцы и их вожак выучились познавать свойства благородства характера, что было присуще покойному не только как человеку, но и как и командиру русских формирований...» (Kara ministrs un armijas komandieris pie kņaza Līvena šķirsta // *Latvijas Kareivis*. 1937. 7. apr.). Все, что осталось советской власти в Латвии после июня 1940 г., была национализация 25 июля принадлежавшего Ливену в Межотне производства кирпича, дренажных труб и цемента (*Latvijas Ministru kabineta sēžu protokoli*, 1940. g. 23. jūl. — 24. aug. R., 2008. 149. lpp.). Представляется, что ни один член семейства князя Ливена к тому времени в Латвии уже не проживал.

¹³⁰ Дыдоров умер в Резекне 11 марта 1938 г., а похоронен был 13 марта в Риге, на Покровском кладбище. На похоронах Дыдорова ему были отданы причитающиеся последние почести как борцу против большевистской агрессии в 1919 г. В похоронах участвовали представители штаба армии, Резекненского 9-го пехотного полка и батальона Калпака. Политическая полиция констатировала, что «...в Резекне на проводах до станции, а также в Риге была широко представлена наша армия». Газета латвийской армии, отмечая роль ушедшего в освобождении Латвии от большевиков, писала: «...полковник Дыдоров снискал наши уважение и симпатии, продемонстрировав воинскую честь и лояльность нашему государству (*Pulkvedis Didorovs guldīts zemes klēpī* // *Latvijas Kareivis*. 1938. 15. marts). О терроре против латвийских русских общественно-политических деятелей после оккупации Латвии в 1940 г. см.: *Равдин Б. Е. М. Тихоницкий: Просветитель на перепутье эпох* // Даугава. 1997. № 3. С. 105—108, 119—123. Первые массовые аресты были произведены 19 июля 1940 г., когда в числе других были арестованы Алексей Данилов, Александр Илюкевич и др., к которым в СССР проявляли интерес долгие годы (ЛГИА, ф. 3235, оп. 1/2, д. 905, л. 175, 242 и др.; оп. 1/22, д. 940, л. 95). В руки оккупантов попал также архив латвийской политической полиции и большая часть секретного военного архива (та часть, которую руководство службы не успело уничтожить после 17 июня), включая материалы по так называемым «белым» русским. 9 октября 1940 г. руководитель архива Наркомата внутренних дел ЛатвССР лейтенант новой службы госбезопасности Котс передал материалы о сотрудниках Братства русской правды начальнику 3-го отделения Наркомата государственной безопасности М. Розенталю для «оперативной реализации», т. е. для начала репрессий по конкретным личностям (ЛГИА, ф. 3235, оп. 1/1, д. 411, л. 1).

¹³¹ *Jaunākās Ziņas*. 1932. 2. nov.

¹³² ЛГИА, ф. 3235, оп. 1/22, д. 687/1s, л. 2—5.

¹³³ *Saeimas sēdes atreferējuma noslēgums* // *Latvijas Kareivis*. 1932. 16. nov. 22 ноября ЦК КПЛ поручил коммунистам «...с большей энергией, чем до сих пор... разоблачать правительство Скуиньскиса, которое не хотело поддерживать хозяйственные связи с СССР, а вместо этого... готовилось вместе с руководством Польши и Франции к контрреволюционной войне с Советским Союзом» (ЛГА, ф. 240, оп. 5, д. 78, л. 1—3).

¹³⁴ *Diplomātiskā hronika* // *Pēdējā Brīdī*. 1932. 13. nov.

¹³⁵ ЛГИА, ф. 2575, оп. 8, д. 75-а, л. 26; ф. 1307, оп. 2, д. 2, л. 14.

¹³⁶ Возможно, что СССР совершенно не желал, чтобы Латвия согласилась предоставить ему монопольные права на поставку нефти, а выдвинул такое требование, предвидя, что Рига его отвергнет и это будет для Москвы очередным поводом не подписывать договор, которого она вовсе не хотела. В то время экспорт нефти и нефтепродуктов СССР был способен обеспечить только своим основным партнерам, к которым Латвия не принадлежала, и было принято решение постав-

лять эти продукты на «второстепенные рынки» только в случае крайней необходимости и отказаться от завоевывания рынков соседних государств. Например, СССР не выполнял поставки нефти Эстонии, предусмотренные двусторонним договором между Эстонией и СССР (*Кен О. Н., Рупасов А. И.* Указ. соч. С. 115).

¹³⁷ *Andersons E.* Op. cit. 112. lpp.

¹³⁸ *Klīve Ā.* Latvijas neatkarības gadi. [Ņujorka], 1976. 331. lpp.

¹³⁹ *Равдин Б.* К происхождению воспоминаний... С. 140; *Кен О. Н., Рупасов А. И.* Указ. соч. С. 345; *Lejiņš J.* Op. cit. 81. lpp.

¹⁴⁰ *Sarunas turpinās Rīgā // Jaunākās Ziņas.* 1932. 11. nov.; *Valdības lēmumi // Idid.* 12. nov.

¹⁴¹ *Delegāciju no Maskavas atsauc // Pēdējā Brīdī.* 1932. 12. nov.

¹⁴² *Delegācija atsaukta // Sociāldemokrāts.* 1932. 12. nov.

¹⁴³ *Vai vismaz ārpolitikas jautājumos nevarētu iztikt bez demagoģijas? // Jaunākās Ziņas.* 1932.15. nov.

¹⁴⁴ *Mūsu delegācija vakar atgriezās no Maskavas // Latvijas Kareivis.* 1932. 16. nov.

¹⁴⁵ *Источник бодрости // Сегодня.* 1932. 18 нояб.

¹⁴⁶ *Ozoliņš E.* Kā es atceros Staļinu // *Jaunākās Ziņas.* 1933. 4. marts; «Мы сейчас смеемся над Э. Озолсом: почему ты тогда помог бежать негодяю, лучше бы сбил его с ног...» (*Lejiņš J.* Op. cit. 82. lpp.).

¹⁴⁷ Подробнее см.: *Равдин Б.* К происхождению воспоминаний... С. 141—142.